

Елизавета Дворецкая

Сокровище Харальда

Елизавета Дворецкая
Сокровище Харальда

«Автор»

2017

Дворецкая Е. А.

Сокровище Харальда / Е. А. Дворецкая — «Автор», 2017

ISBN 978-5-44-449200-0

Киевская Русь времен Ярослава Мудрого. Трое достойных мужчин, представителей знатных европейских родов, добиваются руки и сердца старшей дочери великого князя. Кого из них выберет красавица и умница Елисава: немецкого герцога, молодого властителя Норвегии или непредсказуемого в поступках отважного воина Харальда – короля викингов и викинга среди королей?

ISBN 978-5-44-449200-0

© Дворецкая Е. А., 2017

© Автор, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	25
Глава 4	32
Глава 5	39
Глава 6	48
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Елизавета Дворецкая Сокровище Харальда

© Дворецкая Е.А., 2017

© ООО «Издательство «Вече», 2017

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017

Сайт издательства www.veche.ru

* * *

Рассказывали также, что Харальд – человек роста и силы не чета прочим, и так умен, что нет для него ничего невозможного, всякий раз достается ему победа, когда он сражается, а золотом так богат, что ни один человек не видывал подобного.

Сага о Харальде Суровом¹

Киев, 1044 год

---

¹ Перевод А.Я. Гуревича.

Глава 1

От варягов одни неприятности. Обычно все три княжны Ярославны, будучи наполовину шведками, спорили с этим расхожим утверждением. Но сегодня даже сама княгиня Ингигерда молчала, не пытаясь защищать соотечественников.

Началось все с Ульва, сына Рёгнвальда: он приходился княгине Ингигерде двоюродным племянником и потому занимал в варяжской дружине князя Ярослава одно из самых почетных мест. Его отец, Рёгнвальд ярл, двоюродный брат княгини, много лет правил от ее имени в городе Ладоге. Тринадцать лет назад он умер и его сменил старший сын Эйлив, а Ульв, младший, служил в Киеве. Из отрока, жаждущего славы, он давно превратился в закаленного, покрытого шрамами воина, жаждущего денег. Славы, конечно, тоже, но она у него уже была.

– Скоро кончается год, конунг! – кричал он на пиру после долгожданного окончания Четыредесятницы², когда все гости были порядком пьяны. Договор наемные варяжские дружины обычно заключали весной, после прибытия из Северных Стран и перед началом походов, поэтому их «год» кончался именно в это время. – А за этот год мы почти ничего не получили, кроме нашего жалкого содержания! Кроме дружинного дома, в котором крыша течет и из щелей дует! Этот дом, должно быть, возвел еще твой отец, Вальдамар конунг, а то и дед! Мы живем там почти на головах друг у друга, и тебе пора позаботиться о том, чтобы построить другой, попросторнее!

Сам Ульв уже много лет был женат на киевлянке и жил на собственном дворе, достаточно обширном, чтобы разместить там дружину. Произнося эту речь, он имел в виду удобства простых воинов, не настолько еще богатых и знатных, чтобы жить в отдельных домах. И товарищи встречали его слова нестройным гулом и криками одобрения. Кто же не согласится, если ему скажут, что он живет слишком скромно и получает мало денег? По крайней мере, в Киеве, где идеи христианского смирения и нестяжательства распространились еще не слишком широко, подобные слова находили в сердцах живейших отклик. И особенно в дружине варягов, прибывших в Восточные Страны за богатством и почетом.

– Отважные воины мерзнут зимой, как жалкие рабы! – поддержал Ульва Сэмунд Железное Брюхо. Этот воин получил свое прозвище после того, как однажды в драке на глазах у многих его ударили ножом в живот, но он остался цел. На самом деле у него под одеждой была кольчуга, о которой, конечно, знали далеко не все. – И в году завелось слишком много постов, когда мы едим хлеб и кашу, тьфу, а о мясе только мечтаем!

– Когда жалкий хвост селедки нам подается как великая милость Божия!

Варяги дружно зашумели, и даже гриди русской Ярославовой дружины гудели, выражая понимание и сочувствие. В эту пору славяне готовились отмечать весенние праздники в честь Ярилы, варяги – праздник Дис, и, если на это время приходился пост, в который привычная гульба и пирование не дозволялись, дружины шумно возмущались новым порядком.

– Ты не так еще стар, Сэмунд, чтобы потерять память! – заметил князь Ярослав Владимирович. Он и правда был скуповат, но свои обязательства всегда выполнял честно. – Вы получаете дом, содержание и эйрив серебром в год, не считая доли в добыче. А в прошлом году...

– Разве мы мало приносили тебе добычи в прежние годы? – перебил его не собиравшийся сдаваться Ульв. – Ты мог бы завесить коврами весь наш дом! И если удача покинула тебя и с тобой мы не одерживаем побед, то нам придется поискать себе другого вождя!

Князь Ярослав нахмурился: он же, выходит, еще и виноват во всем! Но Ульв был пьян, как и все, кто нестройным хором его поддерживал. Ярослав, от природы легковозбудимый и гневливый, с возрастом приобрел способность сдерживать первый порыв и действовать не

---

² Четыредесятница – 40 дней Великого поста.

раньше, чем все предстоящие шаги, а также их возможные последствия будут продуманы. Его многому научили события почти тридцатилетней давности, когда он ночью перебил обидевших его новгородцев, а уже наутро, получив вести из Киева, вынужден был чуть ли не на коленях слезно умолять Новгород простить его и поддержать в борьбе с братьями.

А ведь причиной той давней ссоры стали варяги! Варяжские наемные отряды, которые порой причиняют столько неприятностей, но без которых он не мог обойтись.

Легко управлять дружиной тому, кто сам бьется в первых рядах! Иные вожди не держат под своим началом бойцов сильнее себя и живут спокойно. Варяги часто смеются между собой, что, дескать, если конунг Ярислейв последует примеру тех вождей, то в дружину ему придется набирать только хромых, слепых, одноруких и прочих увечных. Хорошо же будет воинство, со смеху можно помереть! Верные люди доносили ему об этих разговорах, но Ярослав не находил в них ничего смешного. Ему с детства не повезло со здоровьем. Среднего роста, не отличавшийся могучим сложением, он к тому же ухитрился вывихнуть правое бедро сразу, как только начал учиться ходить! Неотвязная боль в правой ноге стала чуть ли не первым его осознанным впечатлением в жизни. Ведуньи помогли, ходить он все-таки смог, но хромота мешала во всем. Когда Владимировых сыновей начали обучать обращению с оружием, Ярослава одолевали не только старшие братья, но и младшие. Самолюбивый и раздражительный, он не терпел насмешек и лез в драку, даже зная, что победить не сумеет. И со временем привык к мысли, что к победе его приведут иные пути... Силой Ярослава стали наемные варяжские дружины. Уже будучи зрелым мужчиной, при осаде Киева печенегами он был ранен стрелой опять-таки в правое колено и с тех пор не мог обходиться без посоха.

К тому же теперь князь был немолод – как-никак ему заканчивался шестой десяток – и приходилось мириться с тем, что дружину, оплаченную его деньгами, водит в бой кто-то другой. И нередко этот другой пытался присвоить право ею распоряжаться. Как вот Ульв! Конечно, у Ярослава подрастали сыновья, но кто-то же должен сидеть в Новгороде и других городах. Да и не желал князь еще при жизни отдавать дружину в руки сына, родичей и наемников.

– Сегодня, Ульв, лучшим вождем для тебя будет крепкий хороший сон! – со снисходительным сочувствием сказала княгиня Ингигерда. – И хотя ваш грид не так хорош, как палаты кейсара в Миклагарде, он еще вполне пригоден для того, чтобы дать приют усталым бойцам!

– Как говорится, пьяный не знает, что делает! – вздохнул Бьёрн, сын Тородда, один из сотских варяжской дружины.

Князь Ярослав искоса посмотрел на него. Он знал и другую пословицу: «Что у трезвого на уме...»

Наутро после этого пира Елисава, старшая из трех дочерей Ярослава Владимировича, зашла в горницу за матерью, чтобы вместе идти в церковь. Вторая дочь, Предслава, была скорее ленива, чем благочестива, и после пиров всегда спала долго; самая младшая, двенадцатилетняя Прямислава, еще одевалась. Перед дверью княгининой спальни боярыня Мария Держиславна, жена тысяцкого Бранемира, поднялась ей навстречу и замахала руками:

– погоди, Ярославна! Князь там. Слышно, гневается. Не ходи, погоди.

Елисава легонько отодвинула ее, подошла к двери вплотную и прислушалась. Сквозь резную дубовую дверь слов было не разобрать, но она хорошо слышала, что голос отца звучит резко и раздраженно. На людях князь Ярослав всегда сохранял невозмутимость, но перед женой не имел нужды притворяться. Княгиня Ингигерда была очень сильной женщиной, умной, гордой, властной, изобретательной и отважной. Ни в молодости, ни теперь она не пряталась за мужнину спину и в случае надобности прекрасно могла бы сама управлять любой державой. Норманны, бывавшие на Руси, потом рассказывали дома, что все важные дела в Киеве решает королева Ингигерд и ее приближенные. Конечно, они преувеличивали, но княгиня действительно выступала первым советчиком мужа.

Сейчас она что-то отвечала Ярославу, невозмутимо и уверенно, как обычно. Она-то никогда не выходила из себя. Все дочери, да и сыновья тоже, считались с ней даже больше, чем с отцом, потому что поддержка матери всегда обещала успех. Князь Ярослав, одержавший немало побед над внешними врагами, у себя наверху, в жилых горницах, зачастую уступал жене и детям, лишь бы сохранить мир в семье. Ведь что он без своей семьи, где найдет союзников, если рассорится с ней? С молодости он хорошо помнил, какое страшное зло несут семейные раздоры: грех братоубийства, войны и разорение земли. Он не желал такой участи своим сыновьям и даже соглашался терпеть поражения на «домашних тингах», лишь бы его дети оставались дружны между собой.

Но сегодня, похоже, беседа обещала затянуться. Елисава вышла из горницы и стала спускаться в нижние сени. Она, как и отец, надеялась, что устами Ульва вчера говорил хмель, но такие разговоры, однажды возникнув, редко проходят бесследно.

Во дворе ждали несколько женщин, жен и дочерей Ярославовых бояр. Завидев старшую княжью дочь, женщины стали кланяться, поглядывая на двери сеней и ожидая прочих. Елисава кивнула своей подруге Саломее и знаком пригласила остальных следовать за собой, давая понять, что князь и княгиня сегодня к обедне не пойдут.

Возле дверей дружинного дома толпились гриди сегодняшней сотни, свободные от дозоров, и тоже ждали.

– Приветствую тебя, Эллисив! – Елисава поклонился сотский Бьёрн, стоявший впереди кучки товарищей-варягов. Это был огромного роста, широченный в плечах, очень сильный мужчина лет тридцати пяти, с кудрявыми рыжими волосами и такой же бородой, а также невинными и ясными голубыми глазами. Взгляд этих глаз говорил, что перед вами очаровательное и безобидное существо, но – врал. Всегда приветливый со своими друзьями, Бьёрн мог быть весьма и весьма опасен для врагов. – А Ярислейв конунг не пойдет в церковь?

– Думаю, что сегодня ему не до церкви. – Елисава улыбнулась Бьёрну. – И ты, как умный человек, понимаешь, в чем тут дело.

– Тогда позволь нам сопровождать тебя! – ответил Бьёрн. – Я правильно понимаю, что княгиня нас тоже не примет?

Женщины прислушивались к их разговору, но тот велся на северном языке, который понимали немногие. Старшую дочь князь Ярослав нарек Рогнедой, в память о своей матери, но в обиходе неожиданно прижилось ее крестильное имя, по-церковному – Иелисавефь, или Елисава, которого еще никто в роду Игоревичей не носил. По-крестильному самого Ярослава звали Георгием, и имя для старшей дочери он взял из жития своего небесного покровителя, святого Георгия, спасшего от ужасного змея царскую дочь Елисаву. Варягам, казалось бы, удобнее было звать ее Рагнгейд, как и было, собственно, настоящее имя ее бабки, однако новое имя предпочитали и в варяжской дружине. Имя Елисава в их устах звучало как Эллисив и нравилось ей даже больше. Это чудное имя принадлежало на всем свете ей одной, и в нем слышалось что-то поэтическое, таинственное, вызывающее в памяти образы древних северных богинь и дочерей легендарных властителей. Будучи внучками шведского конунга, все три княжки дочери с рождения знали северный язык как родной и благодаря матери хорошо разбирались в сагах и преданиях Севера.

Сама княгиня Ингигерда была во многом легендарной фигурой, и больше сказаний о Сигурде и Брюнхильд ее дочери любили слушать сагу о ее собственной жизни. До замужества Ингигерд, дочь Олава, имела свою дружину, которой правила как хотела. К ней сватался замечательнейший человек, норвежский конунг Олав, и их брак должен был примирить две враждующие державы. Свадьбе помешала упрямая воля ее отца, Олава Шведского, который предпочел принять сватовство овдовевшего перед тем князя Ярослава. Но взаимная привязанность между Олавом Норвежским и Ингигердой пережила многие годы, и те стихи, которые

Олав конунг сложил в честь бывшей возлюбленной, казались ее дочерям прекраснейшими из всех, что когда-то складывали скальды:

На холме стоял я,
Видел деву вдали,
Лошадь мчала Хлинну
Искр долины сельди.

Радости лишен я
Ликом королевы.
Лошадь – горе ярлам! –
Прочь ее умчала.

И еще:

Зрел я древо прежде
Круглый год в убранстве
Из цветов, как ведал
Всяк в дружинах ярлов.

Но поблекла ныне
Зелень листьев в Гардах:
Под златым убором
Скрылись девы косы³.

Елисава знала висы Олава на память и иногда повторяла, когда на сердце было грустно. Она хотела бы, чтобы кто-то и для нее сложил такие же прекрасные строки. Предслава сказала ей однажды: эти стихи кажутся такими красивыми только потому, что Ингигерд и Олав конунг расстались и никогда не были вместе. И что она, Предслава, предпочтет судьбу поспокойнее, пусть и без стихов. Елисава соглашалась с ней, но... Несчастливая любовь Ингигерд и Олава вошла в предания, и даже сотни лет спустя люди будут во время зимних праздников, сидя вокруг очага, слушать рассказ о ней из уст умелого сказителя и вздыхать тайком. Разве оно того не стоит?

Здесь, в Киеве, где все прочнее утверждались греческие обычаи, знатные девушки не могли жить так, как жила дочь шведского конунга, но дочерям княгини Ингигерды досталось в наследство немало из ее свободы. Боярыни пристально следили за княжной, рядом с которой шли Бьёрн и Альмунд, а за ним еще Торлейв и Эйнар по прозвищу Жердина, его молодые товарищи, но Елисава не обращала на них внимания. Ей ведь уже двадцать один год, и она вполне способна обойтись без нянек!

А охранять ее очень даже стоило. Высокая, крепкая, со стройной фигурой, она будто излучала жизненную силу. В наследство от бабки Астрид Елисава достались густые темно-рыжие, как потемневшая медь, волосы, красиво оттенявшие белую кожу без веснушек, и серо-голубые глаза в их обрамлении казались еще ярче. Правильные, изящные черты лица, черные густые брови, яркие розовые губы вызывали бы восхищение, родись она хоть в семье самого

---

³ Мое стихотворное переложение вис Олава по прозаическому переводу Т.Н. Джаксон из «Книги с Плоского острова» («Исландские королевские саги о Восточной Европе»). Хлинна искр долины сельди – королева Ингигерд (долина сельди – море, искры моря – серебро, Хлинна серебра – женщина, Хлинна – имя богини). См. также «кеннинг» в пояснительном словаре. Предпочтение отдавалось смысловой близости к оригиналу, что в данном случае важнее, нежели верность поэтической форме.

бедного из подольских рыбаков. Она рано сформировалась и похорошела, и по достижении дочерью тринадцати-четырнадцати Ярослав уже мог бы подыскать ей мужа. Но за прошедшие годы ее красота не только не поблекла, а еще ярче расцвела, налилась силой и привлекала даже больше, чем хрупкая прелесть едва созревшей юной девушки. Этой жизненной силой Елисава была полна до краев и, казалось, каждым взглядом, словом, движением расплескивала ее вокруг себя, щедро делясь со всеми окружающими. Неудивительно, что гриди Ярославовой дружины, имевшие счастливую возможность видеть княжну каждый день, мечтали о ней днем и видели во сне ночью. Белолицая, румяная, русоволосая Предслава и даже младшая Прямислава, обладательница прелестного правильного личика и золотой косы длиной почти до колен – забота и гордость нянек, – тоже не были обижены вниманием, но стоило Елисаве показаться на крыльце княжьего терема, как десяток свободных от дозоров и иных занятий гридей устремлялись к ней с вопросом, не желает ли она что-нибудь поручить и не позволит ли проводить ее.

К воинам отцовской дружины – и к северным хирдманам, и к славянским отрокам – Елисава относилась дружелюбно, унаследовав эту привычку от матери. Ведь эти люди были вокруг нее всегда, с самого рождения, и она привыкла к ним почти так же, как к своим нянкам и прислужницам. «Мои игрушки» и «наша дружина» с самого младенчества были для Елисавы одинаково знакомыми понятиями. «Вот это – наши стены!» – говорила ей мать, показывая на мужчин с мечами. Они всегда находились где-то рядом: стояли в сенях, сидели в гриднице, толпились во дворе, сопровождали во время прогулок и поездок. Отделяли от толпы, грязноватой, блекло одетой, крикливой, зачастую – недобро настроенной. Делали ее, Ярославну, тем, кем она была, создавали ее отличие от босоногих девок, одетых в единственную рубашку. Иной раз они тоже сердились, кричали, чего-то требовали от отца, буянили на пирах, дрались между собой и казались опасными, но потом всегда успокаивались. Князья были нужны им не меньше, чем они были нужны князьям, и Елисава знала: как она видит в них свою защиту и опору, так и они видят в ней источник своего благополучия. Подрастая, княжна чуть-чуть заигрывала с ними, пробовала на них свое искусство быть женщиной и понимала, что для этих парней, которым едва ли когда-нибудь случится завести семью, она – прекрасная дева из сказаний, царская дочь в башмачках из чистого золота, недостижимая мечта, скрашивающая порой скучноватую жизнь.

Ей было известно, что в действительности жизнь удалых молодцев с роскошными воинскими поясами далеко не так красива, как в хвалебных песнях или сказаниях. Выбитые зубы, негнущиеся пальцы, скособоченные носы, уродливые шрамы, опухшие от пива и браги лица, незаживающая язва на тыльной стороне левой кисти – от щита. А еще – стойкий запах дружинного дома, обиталища множества одиноких мужчин; их словечки, которых Елисава якобы не знала, и байки о невероятных приключениях и великих подвигах; ссоры из-за женщин и клятвы верности друг другу до последнего, до тех четырех локтей земли, где их в конце концов заруют, – как правило, очень далеко от тех мест, где они родились. Иногда кто-то из них погибал. Появлялись новые – молодые неумелые парни. Иные из них тоже погибали, не успев ничему научиться. А если кто-то вспоминал о том, что было двадцать лет назад, на него смотрели как на внезапно проснувшуюся вещь вельву. Некоторые из воинов знали, казалось, всего три-четыре слова, и то бранных, но вполне обходились ими; другие, пообтесавшись при дворах разных государей, побывавшие за далекими морями, в странах, о которых только в Библии и сказано, могли удивить обширностью знаний и красноречием. Одни происходили из знатных воинских родов, другие, родившиеся после посещения княжьей дружиной какого-нибудь погоста или села, вообще не знали отца и были в семилетнем возрасте отправлены в дружину, которая и поспособствовала их появлению на свет. С десяток таких мальчишек вечно носились с дикими воплями по двору перед дружинным домом, размахивая деревянными мечами, а пара бывалых дядек присматривала за ними, вспоминая меж собой дела далекой молодости.

– Ты сам хотел говорить с князем или тебя попросил Ульв? – осведомилась Елисава, обращаясь к Бьёрну.

– Я его еще не видел, – ответил варяг. – Мне самому весьма любопытно, как конунг принял то, что услышал вчера.

– Нам ведь известно, каким способом здесь расправляются с наемниками, которые забывают свое место, – добавил Альмунд. – И я не желал бы однажды проснуться с перерезанным горлом.

– Тебе это не грозит, с перерезанным горлом *не просыпаются!* – хмыкнул Эйнар. – То есть просыпаются уже в Валгалле.

– Это было давным-давно. – Елисава нахмурилась, недовольная намеком варяга. – И мой отец в том не виноват.

– Но ты забываешь... или ты не знаешь, что я при этом был?

– Вот как! – Изумленно раскрыв глаза, Елисава остановилась и повернулась к Альмунду. – Был?

– А ты не замечала, что я уже достаточно старей? – Варяг улыбнулся и провел широкой мозолистой ладонью по своим светлым, начавшим седесть волосам. – Да, тогда я был четырнадцатилетним мальчишкой. Я приехал из Рогаланда вместе с моим родичем, братом матери, Хрингом, сыном Сварта. Он потом погиб на Днепре, следующей же зимой, когда твой отец, Ярислейв конунг, в первый раз разбил своего брата Святополка. В тот день в Хольмгарде мы с Хрингом ходили навестить одного торгового человека и не попали в эту бойню. Успели как раз к тому, когда начали выносить трупы. Я хорошо помню, как по этому проклятому Фариманнову двору текли целые ручьи крови, смешиваясь с растоптанным навозом и соломой. Твой отец сильно разгневался, но сделал вид, будто проглотил обиду, а потом уехал в свой борг, тот, где раньше, как сказывают, жил Хрёрек конунг. И туда пригласил хольмгардскую знать. Иные говорят, что гостей было больше тысячи, но это ерунда – столько там просто не поместилось бы. Знатных хольмгардских хёвдингов было человек сорок. А тысячи собрались, когда головы этих сорока были выставлены на стене! Правда, очень скоро твоему отцу пришлось пожалеть о том, что он сделал. Но я и те, кто тогда был при нем, хорошо запомнили, что с князем нужно быть... осторожным.

Елисава невольно взяла его за руку, но тут же, опомнившись, отпустила. Среди самых страшных семейных преданий, которые им поведали старые челядинцы, был рассказ о бойне на Фариманновом дворе, где разгневанные новгородцы перебили разом несколько сотен варягов, приведенных Ярославом для борьбы с отцом, князем Владимиром. Войне между отцом и сыном помешала смерть отца. Ярослав успел отомстить новгородцам за гибель своих наемников, нужных ему тогда, как воздух. Но тут же перед ним встала необходимость сражаться со сводными братьями за опустевший престол, и ему пришлось идти на поклон к своим врагам-новгородцам. Это было почти тридцать лет назад, еще до того как Ярослав женился на их матери. И Елисава не знала, что все это время рядом с ней находится живой, к счастью, свидетель давнего кровавого ужаса.

– Мы надеемся, что Ярислейв конунг мудр и не станет таким путем избавляться от людей, которые могут ему пригодиться! – заметил Торлейв.

– А живые мы ему полезнее, чем мертвые! – назидательно добавил Эйнар Жердина.

Жердиной его прозвали за высокий рост, длинные руки и ноги, а также за худощавость, при которой он, однако, был очень силен. С продолговатым лицом, высоким и широким лбом, узкими, как у многих шведов, глубоко посаженными, водянисто-серыми глазами, Эйнар не был красавцем, но Елисава знала, что Благина, внучка тысяцкого Бранемира Ведиславича, тихо умирает от любви к нему. О чем сам Эйнар совершенно не догадывался. Хотя если бы догадался и приложил известные усилия, то близкое родство с боярином-тысяцким сослужило бы ему неплохую службу.

– Ульв давно говорит, что плата, которую он получает, слишком мала и недостойна его знатного рода! – продолжал Бьёрн. – Он всегда считал, что при его родстве с вами ему было бы приличнее самому править какой-нибудь областью страны и посылать дань конунгу.

– Если бы он был полюбезнее со мной и я могла бы считать его своим другом, то, выйдя замуж, взяла бы его с собой в страну моего мужа и поставила бы управлять тем городом, который получу в свадебный дар! – ответила Елисава. Отец Ульва, Рёгнвальд ярл, таким точно образом стал управлять Ладогой, которую его двоюродная сестра Ингигерд получила от Ярослава, выходя за него замуж. – Но Ульв не слишком-то стремится со мной дружить.

– Возьми меня! – Эйнар ухмыльнулся. – Я готов принести тебе любые доказательства дружбы.

– Тогда я прикажу тебе жениться! – Елисава улыбнулась, но не стала оглядываться на Благину, которая шла чуть позади, изнывая от счастья и смущения.

– На тебе? – тихо, почти не разжимая губ, спросил Эйнар.

– Не глупи, – шепнула в ответ Елисава. – Для этого мне надо самой стать правительницей какой-нибудь страны.

– Что тебе мешает?

– Эту страну сначала придется завоевать для меня. У моего отца и так слишком много... то есть *достаточно* много сыновей!

Сказать, что у нее «слишком много» братьев, Елисава не могла. Шестеро сыновей Ярослава от Ингигерды воплощали силу, крепость и удачливость рода.

– Я найду тебе жену, – продолжила княжна. – Но тебе, во-первых, прежде нужно креститься...

– А ты будешь моей крестной матерью?

– А во-вторых, повиноваться моему выбору.

– Я согласен, если она будет похожа на тебя.

– Этого я не обещаю. Но если ты будешь меня слушаться, то я добуду тебе жену молодую, знатную и с богатым приданым. И ты будешь жить не хуже Ульва.

Пожалуй, такие разговоры идущие позади них боярыни посчитали бы слишком смелыми и рискованными для девушки, но они, к счастью, ничего не понимали. А сама Елисава привыкла быть среди мужчин – братья, их товарищи, дружина всегда были вокруг нее, – как привыкла к тому, что ее никто не обидит и ее достоинство защищено достаточно надежно. В детстве она обожала «Сагу о Хервёре» и часто, отобрав у кого-нибудь из младших братьев деревянный меч, яростно рубила крапиву под тыном, изображая древнюю воительницу. Повзрослев немного, Елисава поняла, что те героические времена прошли и в нынешней жизни воительницам места нет, но поговорить с гридями и хирдманами всегда было гораздо интереснее, чем с челядинками и даже боярынями. Что они видели, кроме усадеб отца и своих мужей, что помнят, кроме собственной свадьбы, что знают, кроме способов квасить капусту?

Вон Завиша, жена сотского Радилы, и Вевея, Мануйлова боярыня, идут сзади и беседуют.

– Ты чего, матушка, вчера подельвала? – спрашивает Завиша, невысокая, с широкими бедрами, раздавшимися после рождения троих детей, но неизменно оживленная и бодрая.

– Блины жарила, – зевая, отвечает Вевея, чье крестильное имя близкие давно уже переделали в Невею. Рослая, тощая, как щепка, с вытянутым лицом, крупным носом и в придачу не имеющая детей, она и правда напоминала бы лихорадку-Невею, если бы не вполне безобидный нрав, в котором самыми большими недостатками были лень и болтливость.

– Куда?

– Не куда, а блины жарила.

– А ты умеешь блины жарить? – не поверила Завиша, прекрасно зная, что Невея по доброй воле за полезное дело не возьмется.

– Я не только умею, я лучше всех блины жарю!

– Я бы не сказала, что лучше всех.

– Если ты себя имеешь в виду, то забудь. А я блины жарю еще с таких вот лет! – Невея показала на девчонку лет тринадцати, глазевшую на разодетых знатных женщин.

– Да ты вообще не умеешь! – Завиша недоверчиво махнула рукой. – Придуриваешься только.

– А вы состязание устройте, – посоветовала им Елисава, обернувшись, а потом с лукавой насмешкой глянула на Эйнара. – Да, кстати, а ты-то почему не бунтуешь и не требуешь больше денег? Я думала, под стяг Ульва теперь встанут все свеи.

– Во-первых, счастье видеть тебя я оцениваю в серебряный эйрир. В день, – уточнил Эйнар, подражая ее мнимо-деловитой манере вести беседу. – А во-вторых... Я всего четыре года как уехал из дому и хорошо помню все то, что там осталось. Я, ты знаешь, не слишком знатного рода, и с конунгами мое родство не ближе Аска и Эмблы...

– Теперь это называется – Адам и Ева! – с умным видом поправил Торлейв, который на самом деле очень смутно представлял себе разницу.

– Богатым моего отца никто не назовет, а сыновей у него семеро. Я – предпоследний, и мать едва отмолила, чтобы нас с младшим братом не унесли в лес⁴. Видела бы меня сейчас моя мать!

Эйнар гордо выпрямился и положил руки на пояс, украшенный рядом серебряных бляшек, означавших неплохое положение в дружине. К счастью, княжья дочь не видела, в какой одежде он ушел из дому наниматься на свой первый торговый корабль, идущий из Смалёнда на Готланд и далее в Новгород. Какие драные башмаки на нем были, какой потрепанный и короткий плащ, каким дрянным перекрученным ремешком он тогда подпоясывался! Теперь же он щеголял в рубахе из тонкой синей шерсти, в плаще с блестящей шелковой отделкой и серебряной застежкой, в хороших башмаках. А еще Эйнар гордился очень дорогим франкским мечом с узорной бронзовой рукоятью – свидетельством удачных походов.

– Вот за это можно купить весь хутор моего отца! – воскликнул Эйнар, показывая серебряное обручье у себя на запястье. – А ведь я ушел из дому, потому что там меня ждали только тяжелая работа и житье впроголодь! У отца было восемь коров, и только один из нас, Стейн, самый старший, мог жениться. Из нас шестерых четверо до сих пор работают на Стейна, а мы с Льотом отправились искать счастья за морями. Через год он погиб в Бретланде, – добавил Эйнар чуть погодя. – А я вот где. – Он развел руками, словно показывая площадь в стольном городе Киеве, где он стоял рядом с красавицей Елисовой, княжью дочерью, которая внимательно слушала варяга. И правда, его история была похожа на волшебную сказку. – Мне сильно повезло, – продолжал Эйнар. – И было бы глупо жаловаться и воображать себя несчастным! Здесь у меня есть хорошая одежда, теплый дом и обильная еда, заметьте, три раза в день! И я могу разбогатеть еще больше, если буду храбр, а мой вождь – удачлив. Твоему отцу, Эллив, не повезло с прошлогодним греческим походом, но ведь впереди новое лето.

– Он умный парень! В Греции это называется – философ! – Бьёрн усмехнулся и хотел дружески погладить Эйнара по голове, но не дотянулся и просто похлопал его по плечу.

А волосы у Эйнара были очень красивые, что отчасти объясняло безумие бедной Благины: чуть выющиеся, совсем светлые на концах и немного темные у корней, они отливали серебром и рассыпались по плечам мягкими волнами. Елисава улыбнулась, глядя на эти кудри: она вспомнила, что рассказывал в Ярославовой гриднице один купец из англов. Даже взыскательных британских дам викинги покоряли такими «недозволенными» приемами, как чистые рубахи и частое мытье волос!

---

⁴ Древний способ, которым неимущие скандинавы избавлялись от «лишних» детей.

– Но если серьезно, то сей Фрейр копий⁵ сказал очень умную вещь! – заявил Бьёрн. – Ульв и все, кто с ним, просто забыли, от чего они уехали. Увидев здесь княжескую роскошь, красивые вещи, привезенные со всего мира, они начинают думать, что и сами должны все это иметь. Они уже позабыли, как жили в домах с земляным полом, без окон, с очагом из камней и спальными помостами. Забыли, как ели хлеб из сосновой коры, селедку с овсянкой, а зимой – вяленое мясо, такое жесткое, что об него стираются зубы. Когда эти дренги приезжают сюда, то грид киевского князя кажется им чертогом Асгарда. Но к хорошему привыкаешь на удивление быстро...

Они не заметили, как вышли на маленькую площадь внутри киевского детинца, которая называлась Бабин Торжок. От торгового осталось одно название – его давно уже перенесли за пределы старого и тесного Владимирова города, зато посреди площади гордо высились «корсунские идола», как их звал народ, – отлитая из бронзы четверка коней и две женщины, точь-в-точь как живые, но тоже из бронзы. Куда там старым славянским капам с их грубо вытесанными лицами, которых можно было отличить друг от друга только по особым знакам – ярге или Перунову кресту! Эти диковинные фигуры князь Владимир, дед Елисавы, привез из греческого города Корсуня вместе со своей греческой женой, царевной Анной.

Здесь стояла Десятинная церковь в честь Успения Богородицы, построенная тем же Владимиром, – многокупольный храм, с трех сторон окруженный гульбищами. Выстроенный из розоватого кирпича, он ярким пятном выделялся на фоне выбеленных известью истобок простых киевлян и бросался в глаза издали. На украшение церкви пошли иконы, кресты и сосуды, привезенные из того же Корсуня; стены были расписаны фресками работы греческих мастеров. Новоявленные христиане содрогались, различив в полутьме, при дрожащем пламени свечей огромные темные глаза святого, смотрящие со стены прямо в душу. Узоры, выложенные из маленьких кусочков разноцветного стекла, так западали в сердце, что иные киевлянки потом вышивали их на своих нарядных верхних. Изнутри церковь тоже была отделана мрамором, из-за чего ее гордо называли «мораморяной». Причем в сознании некоторых темных киевлян это слово связывалось с Морой, Марой и Мареной – древней богиней смерти, и они считали, что «морамор» – это особый, посвященный ей, камень.

Но не только за роскошь княжья семья почитала эту церковь. Князь Владимир повелел, чтобы она служила родовой усыпальницей. И хотя несколько лет назад между Десятинной церковью и княжьем двором появился новый собор Святой Софии, гораздо больше и роскошнее, старая церковь по-прежнему была наиболее любима Ярославом, и к ежедневным службам домочадцы ходили именно сюда. Вдоль стен здесь стояли большие мраморные кресты с вырезанными именами погребенных и годами смерти от сотворения мира: «Малфрида 6508», «Рогнеда 6508», «Изяслав 6509», «Владимир 6523», «Анна 6519», «Ольга 6477»... Прах Рогнеды, первой Владимировой княгини, и их старшего сына Изяслава шесть или семь лет спустя после смерти по приказу Владимира был перевезен сюда из Полотеска, в котором они оба жили. При виде унаследованного от бабки собственного имени на могильном кресте Елисава каждый раз безотчетно крестилась.

У самых дверей их нагнала запыхавшаяся княжна Прямислава со своей нянькой и подружкой-боярышней. Младшая Ярославна любила наряжаться и в любой будний день украшала себя шелковыми лентами и жемчужными привесками очелья. В свои двенадцать лет она уже считалась невестой, и никто не удивился бы, если бы ее обручили. И меньше всех она сама, поскольку ожидала появления жениха со дня на день.

Елисава бросила взгляд вдоль улицы и поняла, что родителям, очевидно, сегодня не до благочестия. Колокол звякнул в последний раз и затих. Княжья дочь вошла в церковь, и вся толпа мужчин и женщин потянулась за ней.

---

⁵ Фрейр копий – кеннинг мужчины.

Глава 2

Во время службы Елисава старательно гнала от себя все мирские мысли, но получалось плохо. Господь так неравномерно распределил богатство и бедность, что дьяволу легко ловить человеческие души! Конечно, после какого-нибудь захудалого хутора Киев кажется тридевятым царством с молочной рекой – вот и хотят зачерпнуть побольше. Надо же, а Эйнара, оказывается, в детстве чуть не унесли в лес – было бы жаль. И сколько в дружине еще таких, которые ушли из дому от голода и холода, а теперь мечтают вернуться и за один браслет с руки купить всех тех, кто над ними раньше смеялся. И как досадно, что прошлым летом братец Володыша сходил на греков так неудачно! Отец теперь не расплатится с сиротами и вдовами. Надо их подкармливать, а то они начнут умирать от голода прямо на улицах, вблизи княжьего двора, и кто тогда захочет идти с Ярославом в новые походы? Но после неудачного похода откуда взять денег для Ульва, которому не терпится разбогатеть? На месте отца Елисава послала бы этого нового Сигурда искать себе Фафнира с сокровищами – где-нибудь в чудских лесах...

Когда они выходили из церкви, она заметила самого Ульва на краю площади, в окружении нескольких его людей. Стоял он, между прочим, перед воротами собственного двора с роскошными палатами, нижний ярус которых был выстроен из камня, а верхний – из дерева, с настоящими круглыми стеклышками в частом переплете рамы. И этот человек посмел жаловаться на бедность! Хмурый, помятый после вчерашнего, Ульв, однако, был нарядно одет и держался гордо и вызывающе. Похоже, все происшедшее он прекрасно помнил и нарочно выбрался на площадь, дабы показать людям, что не намерен отступить от своих слов.

Поймав взгляд Елисавы, мятежный ярл угрюмо поклонился. Она остановилась, и ему пришлось подойти к ней.

– Так ты, родич, значит, считаешь, что у моего отца недостаточно взрослых сыновей и ему не обойтись без твоей помощи в управлении страной? – сурово спросила Елисава, едва заметным кивком ответив на его приветствие. – Боюсь, скорее он посчитает, что у него на службе *слишком* много храбрых воинов и они ему чересчур дорого обходятся.

– Если так, то я уйду на Восток и там завоюю себе какую-нибудь страну! – надменно ответил Ульв. – И сам стану конунгом где-нибудь в Стране Сарацин!

– Лучше уж сразу в Миклагарде! – хихикнула Прямислава, которая, несмотря на юные годы, без смущения влезала во взрослые разговоры. Бойкая и сообразительная, она уже умела читать и писать и в этом искусстве легко посрамила бы любого из старших братьев, кроме разве Севушки, который в свои четырнадцать легко читал не только по-славянски, но и по-гречески.

– Отчего же нет? – Ульв ухмыльнулся. – То, что мог один, сможет и другой. Ведь Харальд, сын Сигурда, как говорят, чуть было не стал конунгом в Миклагарде!

– Откуда такая нелепость? – удивилась Елисава.

– Может быть, тебе это и покажется нелепостью, – опять ухмыльнулся Ульв, – но другим – вряд ли. Сама императрица Зоэ хотела выйти за него замуж, а эта женщина с легкостью сделает своего мужа императором!

Бьёрн толкнул Ульва в бок, но тот был даже рад поквитаться с гордой княжной за ту суровость, с какой она с ним говорила.

– Именно ты и говоришь нелепость! – с досадой воскликнула Елисава. – У нее же есть муж!

– Сегодня есть, завтра нет! – Ульв пожал плечами. – Одним мужем больше, одним меньше, для нее это несложно. Будь я на месте Харальда, я бы к ней близко не подошел. Уж слишком просто такие женщины избавляются от мужей! Она что ядовитая змея: ее дыханием можно отравиться! Но Харальд – смелый человек! Кто знает, какое решение он примет?

– Все это сплетни, и тебе, как мужчине, не годится их повторять! – гневно отозвалась Елисава. Прямыслава хихикнула: она знала, почему эти «сплетни» так сильно задели старшую сестру. – Сколько лет этой Зоэ? Она старуха! Харальд годится ей в сыновья! Если не во внуки! Что у них общего?

– Ну, возможно, все это и неправда! – с нарочитым миролюбием согласился Ульв, не обращая внимания на чувствительные тычки, которыми его награждали с обеих сторон Бьёрн и Эйнар. – Даже, скорее всего, ложь. Ведь не мог же он свататься сразу к двум! Я имею в виду, он же сватался к племяннице императрицы, а значит, не мог хотеть жениться на ней самой! Зачем ему старуха, когда рядом есть молодая, красивая девушка такого же знатного рода!

– Что ты несешь? – Елисава с трудом сдерживалась, чувствуя, как у нее горят щеки. – У Зоэ нет никакой племянницы!

– Есть, и ее зовут Мария! Харальд сватался к ней, но ему отказали, потому что Зоэ хотела приберечь его для себя! А может, посчитала его род недостаточно знатным!

Елисава захотелось придушить Ульва собственными руками. Похоже, он просто счастлив пересказывать эти сплетни, лишь бы досадить ей!

– Видно, Харальд сам постарался, чтобы не упустить и тетку, и племянницу! – Прямыслава опять хихикнула. – Он такой!

– Откуда ты можешь знать, какой он! – в негодовании набросилась на нее Елисава. – Ну откуда тебе это известно? Ты даже лица его не помнишь! Он уехал, когда мне было десять лет, а тебе – всего год от роду! Да подойди он к нам сейчас, ты не узнала бы его! А берешься судить, что он упустит, а чего не упустит!

– Как будто ты сама его узнаешь, если он сейчас подойдет! – не осталась в долгу Прямыслава.

Елисава не ответила. Она глубоко дышала, стараясь успокоиться. Причина ее волнения таилась в далеком прошлом. Все началось четырнадцать лет назад – это больше, чем половина всей ее жизни. Она не помнила, как впервые увидела Харальда, единоутробного брата норвежского конунга Олава, тогда уже покойного. В тот год, когда Харальд появился в Киеве, ей было всего семь лет. Ему тогда исполнилось пятнадцать, но за плечами у него уже было несколько военных походов, недолгая, закончившаяся неудачей борьба за власть в Норвегии, проигранная битва, после которой он, раненый, почти в одиночку пробирался глухими лесами, не зная, где найти приют и помощь. Многих сломали бы такие неудачи на самой заре взрослой жизни, но Харальд держался, как подобает мужчине из рода конунгов. Во время своих мытарств он даже сложил стихи, не больно-то искусные с точки зрения опытных скальдов, но полные незаурядной силы духа:

Вот плетусь из леса
В лес – немного чести! –
Как знать, не найдет ли
И нас в свой час слава⁶.

Князь Ярослав оценил его силу духа. Он догадывался, что этот одинокий и обездоленный отпрыск королевского рода еще поднимется на вершины власти и могущества. Его ждала высокая и славная судьба, которой не могла помешать первая неудача. Как говорят в Северных Странах, лучше начать с поражения, чем им закончить жизнь.

В Киеве Харальда приняли хорошо. Уже сложился обычай, согласно которому пострадавшие в борьбе за власть князья и конунги находили прибежище и помощь по другую сторону Варяжского моря. Сам Владимир Святославич был не старше Харальда, когда вот так же

---

⁶ Стихи Харальда в переводе О.А. Смирницкой.

бежал за море от братьев-соперников и получил там поддержку для дальнейшей борьбы. Норвежский конунг Олав, сын Трюгви, двенадцатилетним мальчиком был выкуплен из рабства женой князя Владимира и нашел у нее приют. Войска Олава Шведского помогли князю Ярославу одержать победу, а потом сам он, уже будучи могущественным киевским князем, принимал у себя Олава Норвежского, младшим братом которому приходился Харальд. Харальда чествовали на пирах, а затем князь Ярослав взял его в дружину, дал ему дом, людей и содержание, достойное его рода. Три года Харальд возглавлял походы на всех тогдашних врагов Руси, от чуди до печенегов. Рослый, сильный, хорошо сложенный, он имел боевой опыт, редкий для столь юного возраста, отличался отвагой и упорством, но при этом обладал здравым рассудком и хорошо понимал, когда следует бросаться вперед, а когда благоразумнее отступить. Его уважали, и он во всем стоял наравне с Ульвом. Тот был старше лет на пятнадцать, но королевское происхождение Харальда возмещало недостаток возраста и опыта.

На Елисаву Харальд тогда произвел большое впечатление – в ее глазах он был совсем взрослым мужчиной, воплощением силы, отваги и доблести.

– Когда Харальд станет конунгом, я выйду за него замуж! – заявила Елисава матери. Она понимала, что ей еще нужно подрасти, но ведь и Харальд пока не конунг.

Княгиня Ингигерда не стала с ней спорить. Заявление девочки было вовсе не таким уж глупым в сравнении с подобными мыслями малолетних «невест». Знатностью рода Харальд не уступал дочери киевского князя. Сама Ингигерда своим браком связала Русь и Швецию и поэтому не видела ничего невозможного в том, чтобы ее дочери сделали то же самое. Княжеские дочери, собственно говоря, для того и появляются на свет.

Конечно, между собой «жених» и «невеста» почти не общались и за три года едва ли обменялись хоть одним словом: у восемнадцатилетнего юноши не могло быть ничего общего с десятилетней девочкой, его привлекали взрослые девушки. Елисава видела Харальда только издали, и ей даже в голову не приходило, что очень многие молодые девицы – как попроще, так и познатнее – знакомы с ее «нареченным» гораздо ближе.

Елисава ничуть не удивилась, когда на исходе третьего года своего пребывания в Киеве Харальд посватался к ней. Разговор велся, разумеется, с ее родителями, а она узнала о нем от Буденихи, своей бывшей кормилицы. Нянька причитала, словно струсилась невесть какая беда, а Елисава встретила новость с гордым удовлетворением.

– Ведь он будет конунгом! – сказала она. А будущий конунг был как раз для нее.

– Повезут тебя за море, земляничка ты моя сладкая! – горевала нянька. – Варяги там одни, леший их заешь! Изведут тебя там лихие люди, жемчужинка ты наша скатная!

– Не плачь, я и тебя с собой возьму! – утешала ее юная невеста. Поездка на родину матери ничуть ее не пугала, к тому же она владела северным языком не хуже, чем славянским. – И Калинку возьмем, и Ветлянку, пожалуй, тоже. А матушка будет к нам в гости ездить и смотреть, хорошо ли мы поживаем. А меня там будут звать Эллисив дроттинг! Это значит – княгиня Эллисив!

– И я тоже, я тоже буду княгиней! – кричала восьмилетняя Предслава, в восторге прыгая на лежанке и подкидывая пуховую подушку под низкий потолок, отчего та сразу же падала обратно ей на голову. Княжна валилась на взбитое одеяло и восторженно хохотала. – И я буду королевой!

Младшая, Прямислава, которой тогда был всего год от роду и которая еще лежала в зыбке, посасывая палец во сне, проснулась и завопила, словно требовала и себе короля. Нельзя сказать, что они наслушались няниных сказок, ибо каждая из княжон вполне правильно представляла себе свою будущую судьбу. Со временем королевами стали все три.

То, что Харальд сватается к десятилетней девочке, никого не удивило. Невесты ее ранга не имеют возраста. И для князя Ярослава, когда он обдумывал полученное предложение, чересчур юные годы дочери не имели особого значения. Гораздо больше он размышлял о том,

пойдет ли ему на пользу этот союз. Положение Харальда пока оставалось неопределенным: он мог стать всем и ничем. Если он добьется престола в Нореге, союз с ним будет для Руси выгодным и почетным. Если же нет – какая польза в том, чтобы иметь зятем воеводу собственной дружины? У Ярослава тогда было четверо сыновей и три дочери – отличные возможности для правителя, который ищет союзников путем заключения браков, но ни в одной из этих возможностей он не собирался продешевить.

– Похоже, что твой отважный воин хочет загребать жар моими руками! – говорил князь жене, которая в память об Олаве конунге относилась к его юному брату с особым расположением. – Удивительно холодная и трезвая голова на таких молодых и широких плечах! Харальд ждет, что в приданое я дам ему войско, чтобы он там сражался с людьми Свейна или Магнуса.

– Так почему же не дать? – отвечала княгиня Ингигерда. – Харальду сопутствует удача, а мой отец разве не дал тебе...

– Да, да, я все помню! – раздраженно перебил ее князь Ярослав. – Но мне, заметь, было уже сорок, я был мужчиной с большим опытом!

– Когда ты сватался, то говорил, что тебе всего тридцать три. – Ингигерда усмехнулась. – Так что я знаю, сколько тебе лет на самом деле. Опыта тебе и впрямь было не занимать, но у Харальда тоже есть опыт. Он из тех людей, кто уже в четырнадцать лет мыслил подобно зрелому мужчине, я с самого начала это заметила. Святой Олав конунг покровительствует Харальду, и он всего добьется, если ему немного помочь. Поверь, Бог зачтет тебе доброе дело.

– Кстати, а Харальд в него верит? В Бога? Ведет он себя как истинный язычник и три раза в году устраивает жертвенные пиры.

– Если он преисполнится христианского смирения, то никогда ничего не добьется на земле! – нашла княгиня и рассмеялась. – Нет, у конунгов другие добродетели! Он должен быть горд, отважен, непримирим! А вот когда он сделается правителем всего Норега, а может, и Датской Державы заодно, то станет кроток и милостив к своим подданным! Я не сомневаюсь, Харальд сообразит, как себя вести!

– А если норвежцы его не поддержат? Я потеряю войско, деньги, честь! Мне придется всю жизнь содержать его и слушать, как он будет жаловаться на судьбу! Знаешь ли, у нас четверо сыновей, так что лишние наследники мне не нужны!

– Мой отец поверил в тебя. Долг платежом красен, не правда ли?

– Харальд тебе не родич. Довольно и того, что я помогал Олаву. А вот он чем мне отплатил?

На это княгиня не ответила. Князь Ярослав всю жизнь подозревал, что она до сих пор не забыла любовь к своему первому жениху, и совесть не позволяла ей разuverять мужа.

Мнения самой Елисавы о сватовстве, конечно, никто не спрашивал – ни родители, ни жених. Харальд выбрал ее как старшую из дочерей Ярослава, достаточно взрослую, чтобы могло состояться обручение, но до нее самой ему было столько же дела, сколько до ее деревянных кукол. Трезвый расчет убеждал его в пользе такого родства, но он вместе с друзьями смеялся в гриде над невестой, которой придется вытирать сопливый нос.

– Ты уж попроси, чтобы ей дали в приданое несколько молодых красивых нянек! – советовали ему веселые дренги.

Князь Ярослав принял решение не за один день. Княгиня Ингигерда, его главная советчица, высказывалась за обручение, но старшая дружина, одержимая стойким недоверием к варягам, не приветствовала родство с выходцем из этого беспокойного племени, к тому же не имевшим ни верерицы за душой, ни каких-либо видов на будущее.

Наконец Эйлив, сын Рёгнвальда, которого Харальд выбрал сватом, явился за ответом.

– Передай твоему товарищу, что он еще слишком молод для заключения столь почетного брака! – заявил князь Ярослав. – Сначала ему следует доказать, что он чего-то стоит. Ему придется самому содержать жену, дом и дружину, а я не собираюсь тратить на все это собственные

деньги. Для своей дочери я без труда найду жениха из числа уже правящих королей христианского мира. И если Харальд хочет получить ее, пусть докажет, что ни в чем им не уступит. Оба они еще совсем юны – у них есть время.

Это не был отказ, и в словах князя не содержалось ничего оскорбительного: по мнению скандинавов, требование к жениху сначала проявить себя было понятным и обоснованным. Но Харальд скрипел зубами, слушая Эйлива. Он считал, что за последние годы достаточно проявил себя, причем гораздо заметнее, чем сам Ярослав в том же возрасте! Он жаждал добиться власти в Нореге, однако понимал, что сделать это без мощной поддержки будет невозможно. И вот его щелкнули по носу: дескать, ты еще мал, чтобы набиваться в родню конунгу Гардов!

– Передай князю: когда я в другой раз попрошу его о чем-нибудь, ему уже не придется так отвечать! – гневно процедил сквозь зубы Харальд.

– Еще не все потеряно! – утешал его товарищ, исландец Халльдор, сын Снорри. – Власти добиваются или при поддержке сильной родни, или деньгами. И если для Ярислейва конунга мы недостаточно хороши, то деньги не так надменны и разборчивы. Они любят смелых, вот и все! А будут у тебя деньги, то и сам император Микьяль из Миклагарда приползет к тебе на коленях и принесет в зубах свою любимую дочку!

Халльдор знал, как утешить самолюбивого и гордого Харальда. Тот усмехнулся, но оставаться в Киеве после этого не пожелал. Вскоре Харальд отправился в Греческое царство поступать на службу, и с ним ушли очень многие из киевских варягов. За три года совместных походов они поверили в силу и удачу Харальда, а князь Ярослав после их ухода ощутил весьма заметный недостаток в людях. Его самолюбие тоже пострадало: ему, умудренному годами и превратностями судьбы, десятки тех, кого он многие годы кормил и содержал, предпочли наглого мальчишку, уехавшего на ладье, которую дал ему Ярослав, и в одежде, подаренной ему Ярославом!

Елисава осталась ждать, почти не подозревая о бурных страстях, которые сопровождали ее несостоявшееся обручение. У десятилетней девочки впереди было много времени. «Когда я вырасту» терялось где-то в туманном будущем, а до тех пор Харальд, конечно, станет настоящим конунгом!

Пока она выросла, молва то приносила через моря вести о Харальде, то умолкала и забывала о нем, словно его, светловолосого, рослого парня, и в живых-то нет. Детские мечты и заблуждения естественным образом уступали место трезвому взгляду на мир, и предполагаемый брак с Харальдом уже казался Елисаве такой же глупостью, как все подобные мечты маленьких девочек. В Киеве знали от торговых гостей, что в далеких южных странах Харальд добился больших успехов: стал предводителем всех греческих верингов, совершал множество удачных походов и никому не позволял превзойти себя. Почти каждый год доверенные люди привозили в Киев золото и сокровища из добычи Харальда, которые он присылал Ярославу на хранение, и это было красноречивее, чем хвалебные стихи скальдов. По воинской добыче можно было судить о перемещениях Харальдовой дружины по миру: греческие и восточные монеты, чаши, кубки и блюда с разнообразными узорами – то цветы и травы, то дивные крылатые звери, – шкатулки, цепи, венцы, ожерелья, перстни с арабскими надписями, тончайшим резцом вырезанными по ониксу, сердолику или смарагду. Оклады, содранные с икон, богослужебных книг и даже алтарей, рассказывали о печальной судьбе церквей где-нибудь на Сицилии. Нарядные облачения священников, иногда чуток запачканные чем-то темным и засохшим, подозрительно похожим на кровь, кресты, четки из драгоценных камней. Ткани из Греческого царства, Персии и даже Китая. Роскошные одежды с золотой и серебряной вышивкой, с отделкой жемчугом, золотой тесьмой и самоцветами – иные новые, а иные явно пережившие уже пять-шесть поколений хозяев, но не ставшие от этого хуже⁷.

---

⁷ В те времена мода менялась не так быстро, и известен пример, когда предмет одежды из драгоценной ткани находился в

Ярославовы дети любили разглядывать привезенные сокровища. Предслава одно время просто вся изнылась, страдая по серебряному позолоченному блюду, по которому гуляла серебряная же курочка с крошечными пушистыми цыплятками, ну прямо живыми, с глазами из крошечных рубинов или гранатов. Даже вытребовала у Елисавы обещание выпросить у Харальда это блюдо в подарок сестре, когда он вернется. Елисава пообещала, чтобы отвязаться, хотя на самом деле уже не видела в добыче Харальда чего-то такого, что имело бы отношение к ней. При взгляде на эти вещи она воображала себе далекие страны, пыльные и жаркие, – Персию, Бактрию, Сирию, Вавилон, Аравию, Финикию... Но туманный образ «жениха» со временем испарился из памяти, да и сам Харальд уже давно стал не таким, каким она его знала. Он нашел свое счастье за южными морями, и между ними теперь не оставалось ни малейшей связи.

Однако вопреки здравому рассудку даже через одиннадцать лет разлуки имя Харальда, сына Сигурда, сохраняло некую притягательность, наполнилось обаянием, как имя героя сказки, услышанной в детстве. Место ему было где-то на самом дне ларца с детскими «сокровищами», когда-то нежно любимыми игрушками, в которые она теперь не играет, но никому не позволит поднять на них руку!

Поэтому Елисава не любила, когда кто-то в шутку вспоминал о ее несостоявшемся обручении, дразнил «женихом», сбежавшим за моря. И Ульв, сын Рёгнвальда, был последним человеком, от которого она стерпела бы подобные намеки.

– Загулял твой жених, дорогая сестра! – Ульв усмехнулся, со значением взглянув на Елисаву, и она отвела глаза, чтобы не видеть его редкие, кривые, полусгнившие зубы. Он словно бы читал ее мысли, и это тоже вызывало у Елисавы неприятие. – Ну да ничего! Ты красавица, без женихов не останешься! Получше найдем! Хочешь – с юга, хочешь – с севера!

– А ты сватом поедешь? – напустилась на него Елисава. – У твоего брата это не очень-то ловко вышло! Хватит глупости болтать! Лучше скажи, что ты вчера в гриднице устроил! Что ты нес с пьяных глаз, бесстыжая твоя душа! – Желая как можно дальше уйти от разговора о Харальде, она невольно перешла с северного языка на славянский. – Платы тебе мало? За эйрир серебра ты служить не хочешь? А сколько хочешь? Гривну золотом? Это в какие же времена и в каких странах столько дружине платили?

– Как я сказал, так и будет! – Ульв надменно выпрямился. Бьёрн, стоявший у него за спиной, слегка пожал плечами: с пьяных глаз было сказано слово или с трезвых, но его слышала вся дружина, так что отступить от своего требования Ульв не мог. Да и, похоже, не хотел. – Я много лет служил вам как простой наемник, хотя, если ты не забыла, довожусь тебе родичем, троюродным братом!

– Столько лет тебе эта плата нравилась!

– Столько лет... – Ульв запнулся. – У меня были причины терпеть.

– Я знаю, какие у него причины! – встряла Прямислава, тоже на северном языке, как часто делали в княжеской семье, чтобы уберечь тайны от челяди. – Ульв все ждал, что Рёгнвальд умрет, а он сядет на его место и будет ярлом в Альдейгье! Но только зря он надеется! Эйлив его близко не подпустит!

– Молчи, девчонка! – в ярости заорал Ульв, и боярыни беспокойно задвигались, переглядываясь: мол, не пора ли звать на помощь? – Это не твое дело! Играй в свои куклы и не лезь в дела мужчин!

– Если ты будешь требовать слишком много, то лишишься и того, что у тебя есть! – сурово предостерегла Елисава. – С каждым обозом два раза в год сюда приходит по сотне таких, как ты, и все хотят золота и славы! Мы не останемся без дружины, а вот ты где еще найдешь покупателя на свой меч?

– Да хотя бы в Миклагарде! – Ульв ухмыльнулся, и Елисава поняла, что он не шутит. – Харальд захватил, как говорят, восемьдесят городов в Стране Сарацин, но и мне, надеюсь, кое-что осталось! А вот где твой отец найдет верных людей, которые не дадут его зарезать всем братьям и племянникам, – я не знаю.

– У моего отца нет братьев!

– Да, конечно! – с издевкой согласился Ульв. – Он об этом позаботился! Ты думаешь, я не знаю, кому твой дед завещал престол? Или ты сама этого не знаешь? Он завещал престол Борису, а сидит на нем твой отец!

– Это князь Святополк виноват! – горячо возразила Прямислава. – Князь Святополк убил Святослава, Бориса и Глеба!

– Святослава – может быть, я об этом не знаю, да и тролли с ним! А вот двум другим помог умереть ваш добрый отец, мой знатный родич! А теперь рассказывает своим детям сказки про злого дядю Святополка! Но я-то знаю, как все было!

– Ничего ты не знаешь! – в негодовании крикнула Елисава. Ей хотелось засунуть Ульву в горло его собственный меч, чтобы немедленно заставить замолчать, но где ей было справиться со здоровенным варягом. Его вопли наверняка слышат во всем детинце. И то, что ярл говорил сейчас, гораздо хуже того, что он кричал вчера на пиру. – Это все ложь!

– Расскажи кому-нибудь другому! – Ульв нагло усмехался. – Я-то все знаю! Вы надеетесь, что очевидцев не осталось! А мне все рассказал Торвид Лось, который сам отрубил голову князю Борису и снял с его шеи золотую гривну, которую ваш отец приказал привезти! А уж Торвид точно знал, от кого он получил деньги! Мы все знаем! Вы, конунги Гардов, всегда делаете грязные дела нашими руками и думаете, что мы – камни, которые вечно будут молчать и служить вам, как собаки, за жалкий эйрир серебра в год! Кто поднял на мечи князя Ярополка, брата твоего деда? Викинги! Финн Паленая Борода еще знал в молодости одного из тех двоих, даже показывал мне пряжку ремня, которую у того однажды выиграл. Финна похоронили с этой пряжкой, а то бы я тебе ее показал, Эллисив! Именно так твой дед расправлялся с братьями, которые были знатнее его и имели больше прав на престол! И твой отец делал то же самое, и опять нашими руками! Когда твои братья начнут делить владения отца, думаешь, они обойдутся без нас? Ха-ха! – воскликнул Ульв, расставив ноги и уперев руки в бока. – Скорее камень поплывет! Вам повезло, что ваш старший брат в Хольмгарде умер сам, тот, что от первой жены вашего отца. А может, не сам?

Ульв хитро прищурил глаз, и его широкая грудь заходила ходуном. Ожидая ответа от умолкнувших девушек, он судорожно кашлянул – давала себя знать старая рана в груди, когда лет восемь назад в него попала печенежская стрела. От крика и возбуждения Ульв с тех пор всегда задыхался.

– Да ты пьян до сих пор! – со смешанным чувством негодования и тщательно скрываемого смущения отозвалась Елисава.

Слова ярла звучали оскорбительно, от них пахло прямой изменой. Князь Ярослав не любил обсуждать «подвиги», совершенные его отцом и им самим в борьбе за власть. Да и княгиня Ингигерда говорила об этом уклончиво, хотя знала, вероятно, многое. В Киеве господствовало мнение, что убийство братьев совершил Святополк, сын беглой греческой монахини и двух отцов, что уж само по себе не позволяло ждать от него ничего хорошего!⁸ Однако в среде киевских и новгородских варягов ходили свои предания, и не всегда они совпадали с преданиями славянскими.

---

⁸ По легенде, Святополк был сыном Ярополка Святославича и пленной монахини-гречанки, но Ярополк погиб еще до его рождения, а гречанку взял в жены Владимир, и, таким образом, Святополк, считавшийся его сыном, на самом деле приходился ему племянником.

– Мои братья не будут делить владения, убивая друг друга! – возмущенно продолжала Елисава.

– Все так говорят и даже думают, пока отец жив. А когда он умрет, каждый наследник помнит только то, что он – сын своего отца, но не помнит, что он еще и брат своего брата. Разница очень большая. Задумайся над этим, если не думала раньше.

– Мой отец проживет еще долго.

– Может быть. Но ты, надеюсь, не забыла про князя Брячислава, который в Полотеске? Ваш двоюродный брат по отцу. Думаете, он не помнит, что его отец был старше вашего отца и что его права на Киев больше? И я бы на месте твоего отца не денег на дружину жалел. Я бы жалел, видя, как из-за низкой платы от меня уходят люди. Как говорил старый Вальдамар конунг, твой дед? Серебро и золото не добывает верной дружины, а верная дружина добывает серебро и золото. Так вот, можешь повторить от моего имени своему отцу. Я вижу, мы его сегодня не дождемся... Если мой эйрир серебра не превратится в самое ближайшее время в эйрир золота, я уйду в Страну Сарацин и посмотрю, не осталось ли там еще восьмидесяти городов, чтобы завоевать их. Или... спрошу у Брячислава Полоцкого, не нужны ли ему люди. Так, на всякий случай.

Елисава не ответила. Ульв, вполне удовлетворенный, повернулся и пошел прочь, кивком позвав за собой своих людей. И только когда он отошел шагов на десять, Елисава с прорвавшимся гневом крикнула ему вслед:

– Чтобы завоевать эти восемьдесят городов, нужно быть Харальдом!

Она ничего не стала передавать отцу, но Прямыслава потом увлеченно шепталась с матерью, хотя княгиня Ингигерда, женщина умная и знакомая с настроениями дружины, и сама вполне могла предположить, как будут развиваться события.

Весна шла вперед, днепровский лед уплыл к Греческому морю, торговые гости снаряжали ладьи. Дружину как будто охватила весенняя лихорадка: варяги ходили возбужденные, у каждого был такой вид, точно они уже собрались в дорогу. Да и славяне, охваченные общим настроением, посматривали в сторону Днепра как-то задумчиво. С днепровских круч открывался такой роскошный, широкий вид на могучую голубую реку между синим небом и зеленью земли, что всякого, кто смотрел туда, неудержимо тянуло на приволье! Казалось, шагнешь прямо с горы – и попадешь в дальние чудесные страны, где текут молочные реки с кисельными берегами.

– Во все времена был порядок, что плата дружине увеличивается, если страна много воюет! – убеждал Ульва князь Ярослав, старательно скрывая, как бесят его наглые притязания варяга, которого он, как близкого родича жены, все же должен был уважать. – Скажи мне, какие у вас основания требовать увеличения платы?

– Вот какие! – Ульв показал свою широкую ладонь, сплошь покрытую твердокаменными мозолями. – Наши руки сражались за вас! Разве в прошлом году мы не ходили с твоим сыном Вальдамаром на Миклагард?

– Говори по-славянски, сын мой! – с мягкой насмешкой напомнила княгиня Ингигерда. Разговор происходил в гриднице, а многие из Ярославовых бояр не настолько хорошо знали северную речь, чтобы следить за беседой.

– Хорошо, что ты помнишь этот поход! – почти со злорадством подхватил князь Ярослав. – Тогда ты наверняка не забыл, что все наши ладьи разметало бурей! А это ведь вы посоветовали идти по морю, а не по суше!

– Мы не отвечаем за погоду! Мы не колдуны! – огрызнулся Ульв. – Творить чары нанимай финнов, они в этом большие искусники! Зато когда мы встретили греческие суда на воде, то разбились их!

– Из-за вас войско оказалось разделено! – в ярости крикнул один из воевод, Радила Будинич. После несчастья, постигшего в прошлогоднем походе русское войско и его собственную

семью, он не мог сдержаться и вскочил, не дождавшись позволения князя. – Из-за вас половина войска попала в плен! Из-за вас мой отец оказался в плену, из-за вас его ослепили и он остался рабом!

– Так что же ты тут расселся, как на свадьбе! – взвился Ульв. – Пойди и отомсти за него! Только трусы упрекают других, вместо того чтобы защищать свою честь! А если кто-то хочет оставаться *сыном раба*, то это не моя забота!

Радила бросился на него, как разъяренный тур, – такого оскорбления, да еще на глазах у князя и старшей дружины, он не мог снести. Боярин Иоанн Гремиславич и двое отроков удержали Радилу, Торд и Арнор быстро схватили Ульва за плечи, ибо тот уже вцепился в рукоять меча, готовясь защищаться. Гридница загудела: неудачный поход был памятен всем и у всех вызывал чувство жгучего стыда. Киевляне стыдились бы еще больше, если бы знали, что в прошлом году русские паруса показывались под стенами Царьграда в последний раз.

– Если бы не мы, то и сам конунг Вальдамар остался бы слепым рабом! – поддержал Ульва Вальгард, сын Стормунда. – Мы спасли твоего сына, конунг!

– После того как чуть не погубили его своими советами! – крикнула Елисава, хотя ей, девице, следовало бы помалкивать.

Княгиня Ингигерда покосилась на старшую дочь и отчасти осуждающе, отчасти лукаво покачала головой, так что длинные жемчужные привески на драгоценном венце тоже закачались и коснулись ее продолговатого, белого, почти не тронутого морщинами лица. После рождения девяти детей стан ее сильно раздался, зато лицо сияло почти молодой свежестью и красотой. Даже сейчас, глядя на нее, легко было понять, почему в борьбе за эту женщину соперничали несколько могучих владык. Кстати, этот венец греческой работы еще лет семь назад прислал ей в подарок Харальд. Доброту княгини он помнил гораздо лучше, чем собственную малолетнюю невесту.

Елисава перехватила взгляд матери и в гневе поджала губы. Если бы у нее, как у Ингигерды в ее возрасте, была своя дружина, она тоже послала бы ее на Царьград! И может быть, сама пошла бы в поход с ней! Прямо какая-то «Сага о Хервёр». Сага об Эллисив... Возможно, она встретила бы там Харальда, который защищал бы от нее стены Царьграда. Или, кажется, к тому времени он с царем уже поссорился и воевал заодно с братцем Володышей?

– Не стоит вам ссориться из-за денег, дети мои, вы же родичи! – увещевал всех подряд, в основном князя и его настырного племянника, Ярославов духовник, отец Григорий Смирята. Выскочив на середину гридницы, он встал живой стеной между славянами и варягами и, разведя руки, говорил: – Господь соединил ваши судьбы, дабы вы могли благотворить друг другу, а не грызться, как псы из-за зловонной кости! Ведь Господь учил: не собирайте себе сокровищ на земле...

– Ты очень пожалеешь, конунг, если продашь нашу доблесть из-за своей скупости! – не слушая его, восклицал Тормунд, сын Хакона, которого здесь звали Туром Якуновичем. Рожденный от матери-киевлянки, он, как и многие киевские варяги второго и третьего поколения, свободно говорил по-славянски, но сейчас предпочитал, чтобы его поняли в первую очередь скандинавы. – Этим летом тебя ждет поход на чудь, поход на литву! С кем ты пойдешь? С теми греческими слепцами, каких выкупишь на сбереженное золото? А если не пойдешь, то останешься без земель и без дани на севере и западе. И где тогда будет твое золото?

– Не хотел бы я, княже, повторять злые слова и наветы, – вкрадчиво начал боярин Свирия Яршич, – но иные люди говорят, что твой братанич Брячислав Изяславич, полоцкий князь, зарится на твои земли. Нельзя в такое время, княже, пренебрегать верной дружиной.

– Да кто же это говорит, не ты ли? – набросился на него двадцатилетний князь Изяслав, второй сын Ярослава. Отец уже выделил ему в управление Туров с прилегающей областью, но сейчас Изяслав вместе с молодой женой Гертрудой, сестрой польского князя Казимира, приехал к родным в Киев. – Изменник тот, кто так говорит! Батюшка, надо с ним разобраться!

Если правда, то речь об измене! – горячо воскликнул он, обернувшись к отцу. – А если брешет, то прикажи, чтоб не брехал!

– Довольно, довольно, Господь с вами! – Княгиня Ингигерда протянула вперед белую гладкую руку, украшенную драгоценными перстнями. – Передеретесь, храбрые мужи, и не понадобится ни греков, ни литвы! Лучше расскажи мне, Вальгард, скоро ли ты примешь крещение? Или собираешься всю жизнь прожить оглашенным?

– Может, я и приму крещение... в Миклагарде! – с намеком ответил княгине варяг. Он принадлежал еще к тому поколению скандинавов, в котором многие предпочитали пройти только первую половину крестильного обряда – оглашение, отложив собственно крещение до смертного часа, что давало им возможность при жизни пользоваться покровительством Христа, не порывая с древними богами предков. – Как Харальд, сын Сигурда!

Такие бурные обсуждения продолжались еще не день и не два, но потом внезапно Ульв успокоился и варяжская дружина перестала поглядывать в сторону пристаней. Теперь варяги напивались на пирах от радости, гордые одержанной победой: их плата была увеличена, хотя и не настолько, как им хотелось.

– Откуда отец взял деньги? – недоумевала Елисава, зная, как не любит прижимистый князь Ярослав отпирать свою казну.

– Нашел! – Княгиня Ингигерда отвечала небрежным движением светлых бровей. – У твоего отца гораздо больше денег, чем он соглашается признать.

– А когда придет царьградский обоз с паволоками, можно ему напомнить об этом? – улыбнувшись, спросила княжна Предслава.

– Попробуйте! – насмешливо предложила княгиня.

Но Елисава понимала, что просить теперь денег на новые наряды – совершенно безнадежное занятие. Князь Ярослав наряжал жену и дочерей ровно настолько, чтобы женщинам их ранга не стыдно было показываться на люди. Спасали собственные доходы княгини Ингигерды, в полном владении которой, по брачному договору, оставался торговый город Ладога. И все три княжны дочери хорошо знали, какая статья будет первой и самой главной в их собственных брачных договорах!

Глава 3

В начале месяца березня по Киеву прошел слух, что к князю Ярославу едет посольство какого-то немецкого государя. Это был Фридрих, сын герцога Баварии Генриха Второго.

– И чего ему от нас надобно? – спрашивала любопытная Пряμισлава.

– Известно что, – рассуждал воевода Вукол Божилович, который и принес это известие в княжий терем. – В Баварии уж лет двадцать война, вот тамошние князья и пытаются оттягать ее себе. Подмоги будет просить. То на Баварию рот разевает, то на Каринтию, то на Лотарингию. А силенок-то не хватает, ну и ищет, где бы занять.

Названия этих земель дочери Ярослава знали, да и каково положение дел там, тоже примерно представляли. Около года назад старшая дружина с князем во главе весьма настойчиво обсуждала возможный брак овдовевшего короля Германии Генриха Третьего, по прозвищу Черный, с одной из княжких дочерей. По порядку старшинства он, конечно, назначался Елисаве, и она весьма живо расспрашивала купцов, ездивших в Германию, что им известно о нем как о человеке. Но Генрих в конце концов предпочел посвататься к Агнессе де Пуатье, дочери герцога Аквитании Гильома Пятого. Поэтому оскорбленная в лучших чувствах Елисава теперь только насмешливо и презрительно поджимала губы: очень ей нужны эти немецкие герцоги!

– А свататься не будет? – улыбаясь, спросила не такая гордая Предслава и оправила свою гладкую русую косу.

– Если вместе воевать хочет, то и посватается, никуда не денется! – смеялся один из братьев, семнадцатилетний Святослав. Он уже три года ходил в походы (под руководством своего кормильца Заремысла Некрутича) и говорил с уверенностью бывалого воина. – Вот если ляхов задумал воевать, то зря старается: мы теперь с Казимиром родня!

– Ой, тебе бы все воевать! – простонала Пряμισлава. – Дурак ты, Святша!

– Молчи, малявка! – Святослав, разом растеряв свою взрослую важность, хотел было залепить ей подзатыльник, но Пряμισлава увернулась, села за большой ларь и завопила, точно ее убивают. Две старшие сестры зажали уши.

– Ну, не грустите, может, и свататься тоже будет! – утешил ее другой брат, четырнадцатилетний Всеволод, отцовский любимец. – Говорят же, что сам хозяин с послами едет.

– Вот, Севушка добрый! – обиженно протянула Пряμισлава, выбираясь из-за ларя и оправляя помятые ленты. – А что, герцог – это больше короля или меньше?

– Будешь, будешь королевой! – утешила ее боярыня Саломея. – Не терпится!

– А то! – подтвердила Предслава. – Простые девки в пятнадцать лет замужем, давно детей растят, а мы сидим тут, женихов перебираем, как горох в решете.

– Ждем, пока к нам архангел Гавриил прилетит! – хмыкнула Пряμισлава, но боярыня, сделав страшные глаза, приложила палец к губам и предостерегающе кивнула в угол, где за жемчужным пологом висела греческая икона Божьей Матери.

– Ничего, успеете! – успокоила их боярыня Любава Прозоровна. – Еще пять раз замужем побываешь, гляди, надоест! Вон, стрыйка ваша, Добруша Владимировна, чуть не до тридцати лет дожидалась, зато теперь княгиня!

– Я не доживу столько, помру! – обиженно тянула Пряμισлава.

– Доживешь авось. А князей на свете много, всем хватит.

– Таскать вам не перетаскать! – ухмыльнулся Святослав.

Елисава молчала. Ей кончался двадцать первый год, и по меркам простонародья она давно уже была «перестарком». Но короли и князья женятся не на девушках, а на державах, и чем более могуч новый союзник, тем прекраснее невеста, будь ей хоть сорок лет! Даже если польский король Казимир и решил, увидев сестру Ярослава Доброгневу Владимировну, что она могла бы быть и помоложе, отступить ему было некуда. И немногим моложе ее были другие

их тетки, родные сестры Ярослава, Предслава и Прямислава, когда они после всех превратностей борьбы за киевский стол наконец отбыли к своим женихам в Чехию и Венгрию. А теперь, при Ярославе, Русь настолько могуча и влиятельна, что они, его дочери, будут желанными невестами для любого государя. И не важно, сколько им лет.

– Не спеши расставаться – ведь разъедетесь и не увидите больше! – Прозоровна погладила Прямиславу по гладко зачесанным волосам. – Вас ведь не в соседние села отвезут – за моря! Никогда больше родной земли не увидишь – ни березки, ни сосенки, ни гор киевских! Вон Стрида, ваша бывшая невестка. Ваш братец Мироша, упокой его Господь, был ее третьим мужем, да моложе ее лет на шесть: его отец тогда только на стол новгородский посадил, ему едва четырнадцать сравнялось, как Севушке нашему. А Стриде уж за двадцать было, детей имела! Мне матушка моя рассказывала, она на свадьбе была.

– Упаси Боже! – Елисава прижала руки к груди.

Как знать, не припасен ли у судьбы и для нее женишок четырнадцати лет от роду! Елисава представила себя рука об руку с каким-нибудь прыщавым юнцом, едва достающим ей до плеча макушкой, и содрогнулась. Она будет выглядеть дура душой, даже если к свадьбе вельможный отец поднесет отпрыску какой-нибудь престол.

– Да такое и с простыми девками случается! – Саломея махнула рукой. – Я в селе у тестя видала. Когда страда на носу, а в семье работников не хватает, совсем мальчишек женят, таких, что едва порты надели⁹. Да еще девок подбирают постарше да поздоровее. Если с лица страшна, как лешачиха, – не беда, лишь бы граблями за цепом размашисто махала! Пока муж подрастет, она уж состарится. Тоже счастья не дождешься.

– А у Стриды от Мироши ведь не было детей? – спросила Предслава.

– Да где там! Они и прожили-то с полгода всего, а то и меньше. А как помер, прямо от его могилы ее с четвертым окрутили! И все в разных землях! Что же это за жизнь – хуже рабы, что на торгу от одного хозяина другому продают! С рук на руки! И все на чужую сторону, в другой язык! То Англия, то Нормандия, то Дания, то Русь! Хочешь не хочешь – собирайся да поезжай!

– Все равно что четыре жизни прожить вместо одной! – мечтательно произнесла Предслава.

– А хорошо, что этот немец сам явится, – отозвалась Прямислава. – Посмотрим на него. Если он старый и злой, пусть себе едет восвосяи.

– И там на хромой козе женится! – добавил Святша, и братья покатались со смеху.

Если речь заходила об ожидаемом посольстве, Елисава держалась с небрежным равнодушием и даже делала вид, будто вовсе не слушает. Но мысли об этом приходили к ней нередко, и она прислушивалась, когда женщины принимались гадать и судачить, хотя, конечно, ничего дельного они сказать не могли. А вдруг герцог Фридрих и впрямь едет свататься? А вдруг это ее судьба? Конечно, ему нужен союз не столько с девушкой, сколько с князем Ярославом, а о дочерях его он знает не больше, чем они знают о нем. Но поскольку она, Елисава, из трех старшая, то первый же достойный их ранга жених Богом и людьми предназначен ей.

Правда, сам князь Ярослав без особого воодушевления думал об этом родстве. Знатностью рода Фридрих был их вполне достоин, поскольку приходился внучатым племянником германскому императору Оттону Первому Великому. Ярослав рассказывал дочерям, что отец Фридриха, герцог Генрих, при жизни носил прозвище Строптивный, так как с самых юных лет и до смерти не раз устраивал заговоры, поднимал мятежи баварской знати и всеми средствами пытался завладеть престолом Германии, но неизменно терпел поражения, изгонялся и сиживал в заточении. Даже если Фридрих и не унаследовал беспокойный нрав отца, короли и импера-

---

⁹ Штаны детям мужского пола полагались с семилетнего возраста. По византийским церковным правилам жениться можно было с 14 лет, но на практике случались и более ранние браки.

торы обязательно имеют и будут иметь подозрения на его счет. И киевскому князю от такого родства достанется больше беспокойства, нежели чести.

Но эти соображения, несмотря на то что Елисава и признавала их важность, не были для нее первостепенными. Сидя иной раз за рукоделием или лежа в постели, когда Предслава уже сладко спала под своим пуховым одеялом, она думала о Фридрихе, воображала его то стройным юношей, то зрелым вдовцом с сединой в бороде. Молод или стар, красив или уродлив, праведен или грешен, – он может оказаться ее судьбой, которую она не властна изменить. И эта судьба приближалась к ней с каждым днем. Конечно, мысли о вечной разлуке с семьей, с Киевом, со всем, что так привычно и дорого, навевали грусть, но при этом где-то в глубине души Елисава жила и билась нетерпеливая жажда, чтобы все было именно так, чтобы за ней приехал ее будущий муж и уже через месяц или два ей больше не нужно было делить с сестрой девичью горницу. Скорее бы, матушка Макошь!

Она молилась в церкви об исполнении своих желаний, а затем привязывала ленточки на ветви липы, растущей в нескольких шагах от входа. На ветвях старого дерева трепетало множество лент, платочков, даже ниточек, выдернутых из подола: прося о женском счастье, женщины подносили их богине Ладе.

– Чего ты просишь у богов, Эллисив? – тайком спрашивал ее Эйнар, когда она, отойдя от липы, возвращалась домой не по улице, а по тропке на склоне горы, заросшей деревьями и кустами. На крутой тропинке Эйнар подавал ей руку, и она жалела в душе, что герцог Фридрих никак не может оказаться на него похожим.

– Любви, – тихо отвечала она, чтобы не услышал никто другой.

– А для меня в твоём сердце не найдется немного места? Хотя бы в сенях, я согласен! Я не избалован, знаешь ли! – шептал Эйнар словно бы шутя, но в глазах его и голосе было что-то такое, что не позволяло Елисаве смеяться над этими словами.

– Я возьму тебя с собой. Я скажу, что ты должен возглавить мою дружину.

– Ульв считает, что ему, как твоему родичу, приличнее получить это место.

– А я намекну герцогу, что с моим родичем он натерпится бед!

– Я за тебя хоть в огонь пойду, Эллисив! Не оставляй меня!

Елисава не знала, что думать. Ей и в самом деле было бы приятно взять с собой Эйнара, но... Люди не так уж глупы, и не стоит с самого начала давать мужу повод подозревать ее.

У самого конца тропинки Эйнар спрыгнул с крутого выступа, обернулся и протянул руки, готовясь ее принять. Елисава обняла его за шею, позволила снять себя с выступа, и Эйнар почему-то не сразу поставил ее на землю, как будто не мог выбрать место, достойное ее ног.

– Подожди мечтать! – шепнула она, почти касаясь губами его теплых светлых кудрей. – Может быть, он еще окажется женатым стариком с женатыми сыновьями!

– Вот об этом я и мечтать не смею! Это было бы лучше всего!

Раздумывая о Фридрихе, Елисава настолько привыкла к мысли о нем, что совсем позабыла о существовании всех прочих, – и напрасно. Однажды, спустившись в гридницу, княжна застала там необычное для середины буднего дня оживление – громкие разговоры на северном языке, смех, восклицания. Толпились незнакомые люди – сплошь норвежцы, как она угадала по их виду и произношению. Все явно были только что с дороги – едва сменившие одежды, пропахшие дымом походных костров, уставшие, но веселые и довольные благополучным окончанием долгого пути.

Перед князем и княгиней сидели трое, судя по всему, предводители. Князь Ярослав был сдержан и, как поняла Елисава, даже несколько озадачен; зато княгиня Ингигерда цвела улыбками и смотрела на гостей с самым искренним удовольствием и даже какой-то нежностью.

Елисава пригляделась. Самый старший – сильный мужчина лет сорока или около того, с рано поседевшей, совершенно белой головой и бородой, с резкими морщинами на обветренном лице – и впрямь показался ей смутно знакомым, но она знала, что не видела его очень

давно. Он что-то рассказывал княгине, поводя руками, на которых блестели несколько золотых перстней и широкий, тяжелый серебряный браслет. Второй был помоложе, а третий – совсем еще молодой мужчина, однако хорошо одетый, со светлыми усами, заплетенными в две тоненькие косички и задорно закрученными вверх. У него на поясе поблескивали многочисленные серебряные бляшки с подвесками, на перевязи висел меч, как и у двоих его спутников, дорогой франкской работы, с позолоченным «набором» – так мастера и гриди называли рукоять с перекрестьем и отделку ножен. Короче, гости были знатны, богаты и близки к семье, судя по тому почету и радости, с которыми их встречали хозяева, в особенности княгиня Ингигерда.

– Эльсе! – Княгиня заметила дочь и взмахнула рукой, подзывая ее. – Иди сюда скорее! Ивар, посмотри, это наша старшая дочь! Ты бы, наверное, ее не узнал!

Елисава подошла поближе и поздоровалась, отвечая на приветствия и поклоны гостей.

– Да и ты, думается, не узнала меня, правда, Эллисив? – с улыбкой произнес старший из гостей. – Когда мы последний раз виделись, ты была еще совсем девочка, хотя уже тогда красавица. Помню, Кальв говорил мне, что лет через пять лучше тебя не будет ни одной девушки во всех Восточных Странах!

– Это Ивар, сын Хакона! – пояснила ей княгиня. – Он приезжал к нам десять лет назад с Кальвом, сыном Арне, чтобы забрать Магнуса. Гудлейв тоже с ними был. Вот он! – Ингигерда показала на спутника Ивара. – Это очень знатный человек. А с Альвом ты незнакома – он сам тогда еще был мальчиком. – Она кивнула на третьего гостя, молодого, и тот, широко улыбнувшись, поклонился Елисаве. При этом стало видно, что у него не хватает верхнего зуба справа, но даже это его не портило.

– Ивар Белый – очень знатный и прославленный человек, – продолжала Ингигерда. – Но и Альв, сын Торальва, успел прославиться, поскольку уже лет восемь сам ходит в походы вместе с Иваром. Правильно я говорю?

– Конечно, королева! – ответил Альв. – С такими известными и отважными спутниками всякий прославился бы. Где мы только не побывали! Во Франкии мы знаем каждый город.

– И что еще важнее, нас там тоже хорошо знают, – добавил Гудлейв, и все трое засмеялись с самым довольным и горделивым видом.

– А как поживает Магнус? – поинтересовалась Елисава, усаживаясь.

– О, он давно уже стал настоящим конунгом! – ответил Ивар. – И не уступит ни одному из властителей в Северных Странах, можешь мне поверить! Нам сейчас приходится много воевать, но, клянусь пастью Фенрира, мы никому не отдадим того, что нам причитается по праву! Магнус конунг прислал вам всем подарки, и особенно тебе, Эллисив. Он велел передать, что ваша дружба – самое драгоценное воспоминание его юности и что она давала ему сил вынести многое, когда, казалось, никаких сил уже не остается.

Елисава улыбнулась. При мысли о Магнусе на сердце у нее стало тепло. Это был единственный сын Олава Норвежского. Побочный ребенок, он родился от наложницы, женщины красивой и знатной, но не заключавшей брак с конунгом по установленному порядку, и поэтому недоброжелатели называли Альвхильд рабыней конунга, а самого Магнуса – сыном рабыни. Скорее, в этом были виноваты церковные люди, которые всякого ребенка, родившегося от незаконной – греховной – связи, приравнивали к детям рабынь и не признавали за ним никаких прав. Но люди по старинному обычаю считали, что сын конунга имеет право на его наследство уже в силу кровного родства, да и Олав относился к своему единственному ребенку как к полноправному наследнику. Магнус получил не родовое, никогда раньше не встречавшееся среди норвежских конунгов имя, но которое было дано ему в честь Карла Магнуса, великого императора франков и христианского государя, – в знак того, что недавно окрещенная Норвегия вступила в духовное родство с самыми могущественными и просвещенными монархами Европы.

Порой Олаву конунгу приходилось очень нелегко, и однажды, надеясь получить помощь и поддержку у князя Ярослава, он приехал на Русь и привез с собой сына Магнуса, тогда пятилетнего мальчика. Уезжая, он оставил малыша в Киеве. При обычных обстоятельствах князь Ярослав, конечно, не согласился бы принять ребенка на воспитание, ибо тем самым признал бы, что из двух правителей он младший, а это никак не соответствовало действительности. Но тогда без его поддержки Олаву пришлось бы совсем плохо. И Ярослав согласился оставить ребенка у себя из милосердия, чтобы уберечь его от превратностей суровой борьбы за власть. Олав конунг так и не сумел вернуться за сыном и никогда больше его не видел – норвежский властитель погиб всего через год. Власть в Норвегии захватил Свейн конунг, сын датского конунга Кнута Могучего, но народ был им недоволен, и еще через четыре года за Магнусом приехали знатные норвежцы – Кальв, сын Арне и Ивар Белый. Они забрали десятилетнего мальчика, чтобы тот смог занять престол своего отца, и Кальв объявил его своим приемным сыном.

Княгиня Ингигерда с тяжелым сердцем расставалась с юным конунгом: имея достаточно своих детей, она тем не менее хранила память об Олаве и, сильно привязавшись к его единственному сыну, опасалась, что тяготы борьбы окажутся не по силам ребенку. Но возражать было нельзя: если бы Магнус упустил время и позволил утвердиться на престоле кому-то другому, то на всю жизнь остался бы изгнанником, живущим из милости при чужом дворе. Из любви к нему княгиня была обязана дать ему возможность попытаться, тем более что мальчик обладал немалой поддержкой знатных людей на родине.

Как рассказали Ивар и Гудлейв, в прошлом году умер конунг Дании Хёрдакнут, сын Кнута Могучего, и по заключенному между ними договору Данию получил Магнус. Теперь под его властью оказались две державы. Но на датские земли претендовал другой Свейн – племянник Кнута, сын его сестры Астрид¹⁰. Принадлежа к королевскому роду по женской линии, он предпочел взять себе имя матери – Свейн, сын Астрид, а не отца – Свейн, сын Ульва. Так иногда делали люди, у которых материнский род был настолько знатнее отцовского, что последнего они почти стыдились. Кстати, и сам Харальд не любил, когда его называли сыном Сигурда. Его отец, Сигурд Свиный, был мелким конунгом, владевшим в Норвегии каким-то фюльком, и притязания Харальда на власть и почет основывались на том, что его мать, королева Аста, также была и матерью конунга Олава, которого в Норвегии почитали как святого. Но Магнус, будучи родным сыном Олава, имел полное право на отцовское наследство и уверенно его отстаивал. Этой весной он разбил Свейна и утвердил свою власть над Датской державой. Сейчас Магнус конунг оставался в Норвегии, но уже на осень назначил новый поход на датские владения Скандинавии, где обосновался Свейн, сын Астрид.

Слушая обо всем этом, Елисава улыбалась – она запомнила Магнуса десятилетним мальчиком, малорослым, щупленьким, и никак не могла вообразить его взрослым мужчиной – сильным и красивым, хотя и ростом не выше среднего, как рассказывали Ивар и Гудлейв. Но к тому мальчику она была привязана – будучи почти ровесниками, с пяти до десяти лет они росли вместе, играли с другими ее братьями и сестрой, и теперь Магнус казался ей тоже кем-то вроде брата.

– Он ведь еще не женился? – осведомилась княгиня Ингигерда.

– Нет, еще не женился, но у него есть кое-какие замыслы на этот счет! – с многозначительным видом ответил Ивар и, выразительно подняв брови, перевел взгляд на Елисаву. – Олав Шведский когда-то нашел себе жену в Вендоланде и перевез ее через Восточное море в Нордлэнд. У нее родилась дочь Ингигерд, которая вышла за тебя, Ярислейв конунг, и переехала через Восточное море в обратном направлении, из Швеции на Русь. Теперь у нее тоже есть

---

¹⁰ Эта Астрид и есть Стрида, полгода бывшая замужем за Ильей (Мирославом), сыном Ярослава от первого брака. Ульв ярл стал ее следующим мужем, за которого она вышла сразу после смерти Ильи, в 1019–1020 годах.

дочь, и не будет ничего плохого, если она снова пересечет Восточное море, чтобы стать одной из самых прекрасных королей Нордлэнда. Тебе так не кажется, Эллисив?

Он был прав. Ее бабка по матери была княжной поморских славян, но вышла замуж в Швецию. Ее мать была шведской принцессой, но вышла замуж на Русь. Сама она родилась дочерью русского князя, и вот ей предлагается проделать уже проторенный путь с юго-востока на северо-запад. Так они и будут сновать, будто нитки, связывая друг с другом восточный и западный берег Варяжского моря.

И все же Елисава не сразу нашлась с ответом. Она была рада получить новости о товарище своего детства, но намек на то, что Магнус хочет к ней посвататься, показался ей таким же неожиданным и удивительным, как если бы посватался настоящий кровный родич. А послы не жалели слов, расписывая его достоинства: Магнус красноречив, великодушен, щедр, быстро принимает решения, отважен в бою. Молодого конунга любят все норвежцы, да и противники признают его достоинства. Ивар даже произнес несколько вис, сложенных дружинными скальдами во славу Магнуса и одержанных им побед. Но для Елисавы не это было важнее всего. В ней ожили воспоминания детства, и в душе возникло теплое чувство к давно исчезнувшему с глаз соратнику по избиению крапивы деревянными мечами...

Однако ничего необычного в этом сватовстве не было, и родители заговорили об этом сразу же, как только проводили послов и поднялись в горницу. Мать стояла за то, чтобы сватовство принять, а князь Ярослав возражал, причем весьма решительно.

– Я, знаешь ли, давным-давно этого ждал! – говорил он, по своей привычке меряя шагами горницу и прихрамывая на ходу. – Еще когда Магнуса увозили, я ждал, что Кальв предложит обручить его с Лисавой. Но тогда он, видно, понимал, что это просто наглость – просить мою дочь для какого-то мальчишки, сына рабыни, который еще никто! Потому-то он и промолчал – ведь этот Кальв совсем не дурак.

– Но теперь Магнус – уже не никто, а конунг Норвегии и Дании! Не вижу причин, почему бы ему не получить руку нашей дочери. Особенно если она сама будет не против. – Княгиня Ингигерда бросила взгляд на Елисаву, которая скромно сидела в углу и внимательно прислушивалась к разговору родителей.

Если они договорятся и примут сватовство Магнуса – о герцоге Фридрихе и прочих можно забыть и впереди ее ждет Норвегия. Против этой страны Елисава ничего не имела – язык и обычаи северных людей она хорошо знала, и мать, которая сама когда-то собиралась стать норвежской королевой, немало рассказывала о ней. Мысль получить в мужья Магнуса тоже, после некоторого размышления, ей понравилась – он не хромой старик, а молодой и вполне приятный человек. В детстве они неплохо ладили. Так почему бы им не поладить и сейчас?

– А вы помните, кто его мать? – язвительно осведомился Ярослав. – Вы же слышали, что рассказывал Ивар. Она была рабыней, а теперь живет вместе с Магнусом и с королевой Астрид¹¹, и эти две постоянно ссорятся из-за лучшего места за столом! А бедный парень между ними, как между двух костров! Альвхильд – его мать, зато королева Астрид – вдова святого Олава конунга, и к тому же только ей он обязан тем, что его поддержали шведы! Без нее он, возможно, и не стал бы конунгом. Он не смеет обидеть ни одну из них, и поэтому у него дома идет постоянная война! Лисава, неужели ты хочешь вклиниться туда третьей, чтобы вечно воевать со свекровью и со старой королевой? Тебе не кажется, что при виде такой соперницы, как молодая жена, эти две старухи забудут свои распри и дружно обрушатся на тебя? Это только домашние враги! Про Свейна, сына Ульва, я уж и не говорю – о нем голова будет болеть у меня, если, не дай бог, этот брак состоится!

---

¹¹ Это другая Астрид – не мать Свейна конунга, а сводная сестра Ингигерды и вдова Олава Святого. Пристрастие русских князей и скандинавских конунгов постоянно давать одни и те же династические имена было оправдано для них, но создает большую путаницу для современного читателя.

Подавленные столь язвительной речью, мать и дочь опустили глаза. Елисава вовсе не хотела поселиться в доме, где ей придется испытать враждебность и матери, и мачехи мужа. А княгиня Ингигерда невольно вспомнила молодость. Когда-то она вот так же, под влиянием отца, отказалась от брака с Олавом Норвежским. А чуть позже ее сводная сестра Астрид стала его женой, не спрашивая родительского согласия. И непохоже, чтобы она раскаялась в этом своевольном поступке. Она была женой одного из самых могущественных владык Нордлэнда, а теперь – вдова настоящего святого! И что теперь делать? Признать справедливость всех этих доводов или...

Но все же конунг – это конунг, даже если он сын рабыни. Князь Ярослав прекрасно осознавал это: его собственные мать и бабка были пленницами, и довольно многие князья и конунги рождались не от самых знатных матерей. Это уж кому как повезет. Происхождение значит немало, однако не мать и не бабка, а сам человек вершит свою судьбу. Поэтому Ярослав не давал никакого ответа и уклонялся от прямого разговора о сватовстве. Норвежцы не настаивали – неплохо зная киевского князя, они не ждали от него чего-то другого и были довольны уже тем, что не получили решительного отказа. Послы занимались торговыми делами, ездили с князем и его сыновьями на охоту, на пирах развлекали гостей рассказами о своих приключениях во Франкии, Фландре и Бретланде.

Глава 4

В конце березня под тынами киевских улиц свежая трава вылезла даже сквозь груды мусора. Настал Лельник, девичий праздник. Киевские девушки ходили в рощу завивать венки на ветвях молодых берез, первые птичьи трели вплетались в их пение, и шелест березовых ветвей подхватывал хвалу нежной богине-весне.

Прохаживаясь в хороводе, Елисава любовалась младшей сестрой и немного посмеивалась в душе над ее восторженностью: Прямыслава, которой шел тринадцатый год, впервые этой весной получила право принимать участие в девичьих игрищах. Но что-то мешало самой Елисаве веселиться, и в себе она уже давно не чувствовала этой свежей, неподдельной и светлой радости, сливающей душу с духом обновленной земли. Что-то коробило ее, царапало, как жесткая невычесанная прялочка кострики в льняной рубашке. Она огляделась: они с Предславой были самыми старшими в хороводе. Всем прочим девушкам было лет тринадцать – шестнадцать. И Миловида, дочь воеводы Вукола, и Красава, младшая дочь тысяцкого Бранемира, и Всемила, которые пели с ними в Лелином хороводе прошлой весной, – все за год повыходили замуж. Только они с Предславой уже семь-восемь лет гуляют в девичьих венках и с непокрытыми косами. Как будто они хромые или убогие! Елисаве вдруг показалось постылым ее вечное девичество и «неувядающий» веночек. Стрыйка Добруша давно уже стыдилась петь в хороводе с девчонками, которые могли бы быть ее дочерьми, и не ходила на гулянья. Скоро и им обеим придется засесть в своей горнице!

И сама весна вдруг опротивела Елисаве. В шелесте березовой листвы княжне слышался затаенный смех, и берегини дразнили ее из густых ветвей своими белыми лицами. Само солнце освещало Елисаву на позор всем – ее, красавицу и умницу, не нужную никому, точно она горбатая или глухая! Она – весна, которая никогда не станет летом, цветок, который никогда не превратится в ягоду! И какой вообще смысл в ее существовании? Она не живет настоящей жизнью, а только спит, словно замороженная в хрустальном гробу! И один поцелуй тут не поможет...

Скоро Ярилины игрища, потом купальские... Князь Ярослав не мог запретить своим подросткам дочерям участвовать в игрищах Лады и Ярилы, ибо такой запрет вызвал бы возмущение народа – ведь и сейчас, через полвека после принятия христианства, князь и княгиня были первыми представителями народа перед старыми богами, как и перед новым Богом. Но Ярослав позаботился, чтобы его дочери не были дурочками, которых обманет удалой молодец, чтобы они знали, что к чему, и не уронили своей чести. Им одним из всего доброго людям запрещено слышать зов горячей молодой крови, только им приказано затыкать уши и не пускать в себя Ладу и Ярилу. Елисава уже хорошо знала, что это такое. Проводя жизнь поблизости от дружины, она привыкла каждый день чувствовать на себе жадные взгляды отроков и дренгов, которым положение и средства не позволяли заводить семьи. Ее это не смущало, но весной, когда на игрищах в теплой ночной роще девушки в помятых венках с визгом убегали в темноту – не столько спасаясь от преследования, сколько уходя с глаз, – им, княжским дочерям, надо было оставаться у костров, в круге света, под бдительным надзором нянек. Их Ярила придет к ним не в весенней роще и не в облике молодого кудрявого парня, а будет каким-нибудь лысым толстяком, но зато королевского рода! И ради благочестивых заветов, в которых теперь воспитывали девиц всего крещеного мира, княжны должны быть для него так же чисты, как сама Леля.

Хоровод распался, девушки разошлись по роще и стали вешать свои венки на ветви берез. Каждая шептала какие-то тайные просьбы Ладе и берегиням, стараясь, чтобы никто не услышал. «Хороша тайна!» – с досадой подумала Елисава. Как будто березы услышат что-то для себя новое! Да с тех пор как существует белый свет, молодые дурочки просят богов об

одном и том же! Свой венок она повесила на ближайший сук почти с досадой: бери его себе хоть леший! В ней кипела яростная решимость: все, это последний в ее жизни Лелин венки, больше она не встанет в хоровод с тонконогими девчонками! Даже если ей самой придется ехать за моря, чтобы наконец раздобыть себе мужа! Может, хоть в Миклагарде найдется какой-нибудь...

– Ты чего такая злая? – К ней подошла Предслава и обняла за талию своей белой мягкой рукой.

– А ты чего такая веселая? – огрызнулась Елисава. – Или за твоим венком уже император из Царьграда приехал? Ну скажи мне, сколько можно? Сколько мы еще с недоросточками будем Лелю петь? Мы с тобой уже не девицы, а две колоды замшелые! У других в наши годы дети бегают!

– Зато наши с тобой дети будут королями! – с удовлетворением ответила Предслава и погладила волосы, точно поправляя воображаемый венец. По ней-то пылкие взгляды гридей скользили, не вызывая ответного огня.

– Пока дождемся – засохнем!

– Ну, у нас ведь еще есть в запасе герцог! – смеясь, утешила ее Предслава. – Ладно, уступлю тебе старичка, раз ты так страдаешь!

Елисава молчала. Неужели этот «старичок» и есть то счастье, которое для нее припасла богиня Лада?

– А ты смотри! – почти положив подбородок ей на плечо и понизив голос, из-за спины предостерегла Предслава. – Вокруг не слепые, всем видно, как ты с Жердиной переглядываешься.

– Что? – Елисава сняла со своей талии мягкую руку и повернулась к сестре.

– А то! – назидательно повторила Предслава и бегло оглянулась, не слышит ли кто. – Мне-то что, мне не жалко. Челядь пусть болтает, кто их, дураков, слушает? А вот если дойдет до немца...

– И как до него может дойти?

– Ну мало ли кто и почему захочет помешать? Те же ляхи. Наговорят с три короба, оправдываясь потом!

– Да что наговорят-то? Не было ничего! К чему ты вообще Эйнара приплела?

– Я приплела? А кто тебя ловит, когда ты с лошади падаешь?

– Падаю! – возмутилась Елисава. – Как будто я каждый день падаю! Всего один раз и было!

– Ляхам и одного раза хватит! Если бы они не за Добрушей приезжали, а за тобой, то мы бы не отмылись!

– Тоже мне, дело большое!

– А большего и не надо, было бы желание. Кто тебя зимой учил на лыжах ходить? Я помню, как он тебя перехватил, когда ты решила в прорубь въехать!

– Я не доехала до проруби!

– Да только потому, что у него руки длинные – дотянулся! – Предслава засмеялась. – И это тоже все видели.

Елисава не стала оправдываться. Ведь было еще кое-что, о чем сестра не знала и чего, надо надеяться, никто не видел. Прошлой весной, как раз на Купалу, вечером, в этой самой роще, пока еще не совсем стемнело, Эйнар ухитрился поймать ее своими длинными руками, очень ловко выхватил из толпы визжащих и смеющихся девушек и поцеловал, сделав вид, что не узнал княжну. В сумерках, в тени берез, под пышным и растрепанным венком ее и правда мудрено было узнать... И Елисава тоже притворилась, будто это и не она вовсе. Слава Макоши, в то время ляшские послы, приезжавшие за стрыйкой Добрушей, еще до Киева не доехали. Она вырвалась, метнулась в сторону, обогнула березу и влетела прямо в объятия... Творимиро-

вой боярыни Божемилы, которая благополучно увела запыхавшуюся и разгоряченную княжну в детинец отдыхать. А если бы боярыня Божемила ей не подвернулась... В глубине рощи было уже темно, а у Эйнара достаточно длинные ноги, чтобы догнать любую русалку.

– Мне-то что, мне не жалко! – повторила Предслава, к счастью, отнесшая густой румянец старшей сестры к воспоминаниям всего лишь о падении с лошади. – Но ты ведь не одна и должна понимать: если на тебя наговорят, то и нам с младшей достанется. И тогда нас все короли будут стороной объезжать.

– Мы посеем, пока они в дорогу соберутся, – огрызнулась Елисава и добавила: – И сами же будут виноваты!

– Ну, батюшке пожалуйся. – Предслава перекинула блестящую русую косу за плечо и, сизив глаза, ехидно произнесла: – Он подберет... кого-нибудь получше Эйнара!

– Сколопендра! – Елисава дернула сестру за косу. Она почти завидовала невозмутимости Предславы, которая была моложе ее всего на два года, но держалась так, будто у нее, как у праведников в раю, в запасе целая вечность нерушимого блаженства.

– Сама кикимора! – Предслава хлестнула ее березовой веткой, которую держала в другой руке.

Елисава вцепилась в ветку, дернула и, вырвав, набросилась на сестру с такой яростью, словно перед ней была одна из русалок, которых в конце Русальной недели ловят всей толпой, хлещут ветвями и торжественно бросают в воду. Предслава с визгом помчалась вдоль опушки, но Елисава вдруг стало стыдно: что это они, две великовозрастные колоды, верещат и носятся, как девчонки! И сама же все затеяла!

В досаде бросив ветку, Елисава повернулась и пошла через рощу куда глаза глядят. Она миновала пенек, на котором сидела сегодня избранная «Леля», принимая подношения, – в траве еще белела яичная скорлупа и лежали помятые венки – и брела все дальше, надеясь, что там ей никто не встретится. Ей хотелось уйти от всех: от девушек, к которым вот-вот придут сваты, от веселых нарядных парней, ни один из которых не годится ей в женихи, от улыбающихся молодых женщин, чьи расшитые праздничные сороки словно бы бросают упрек ее вечному девичьему венку! И напрасно Эйнар, Торлейв, Таиша с Искряхой и тот новенький, из бодричей, то ли Светомир, то ли Витомир, вечно околачиваются возле женского крыльца и ждут, не пойдет ли она куда-нибудь, чтобы проводить. Напрасно они ловят ее взгляд, отгоняют конюхов и подают ей поводья, чтобы коснуться ее белых пальцев, – им не на что надеяться, как и ей самой!

Елисава попробовала вообразить ожидаемого герцога Фридриха, но его расплывчатая фигура в этой весенней роще, где каждая травинка была живой и призывала жить настоящей жизнью, казалась такой нелепой, бесплотной, противной! Княжна поморщилась от досады, ударила кулаком по ближайшей березе, но тут же раскаялась и обняла дерево богини Лады, прижалась лбом к шероховатому стволу. Береза не виновата, она всегда хочет как лучше. Свежий, чуть горьковатый запах коры и сока щекотал ноздри, и сердце разрывалось от жажды жить и любить! Любовь приносит такое счастье всему живому, и только она одна этого лишена!

– Смотри, какая грустная! – раздался вдруг совсем рядом чей-то голос. Незнакомец говорил на северном языке, и Елисава, продолжая держаться за ствол, резко подняла голову. – Может, мы ее развеселим?

– Ты мне обещал, подлый обманщик, что тут сегодня всем подряд пива наливают, но я что-то не вижу его! – прозвучал другой голос. – Правда, столько девчонок – это тоже хорошо.

Елисава обернулась, и лицо ее мгновенно приняло привычное строго-надменное выражение. Новгородских обозов в этом году еще не было, а значит, эти два голоса принадлежат киевским варягам. Она готова была кивком даровать прощение тем наглецам, которые назвали девчонкой Ярославову дочь, но только после того, разумеется, как его попросят.

Однако те двое, что стояли чуть поодаль, никакого прощения просить не собирались. Напротив, при виде княжны на их лицах отразился полный восторг, а один даже охнул, словно нашел что-то очень приятное. Елисава их не знала. Оба выглядели лет на тридцать, и, если бы не речь, признать в них скандинавов было бы нелегко. На узких штанах и полусапожках виднелись поперечные полоски шелка, какими украшают одежду воины Греческого царства, но на рукоятках мечей сверкало серебряное плетение из жестких ломаных линий и звериных когтистых лап, изготовленное явно норманнским мастером. Кожа их была загорелой и обветренной, но лица, продолговатые, с высокими и широкими, почти прямоугольными лбами, грекам, конечно, принадлежать не могли. У того, который первым ее заметил, волосы и брови, выгоревшие на солнце почти до белизны, ярко оттеняли смуглую от загара кожу, а обладатели таких скуластых лиц с прямыми короткими носами рождаются только в Нордлэнде и нигде больше. Уж в этом-то Елисава не могла ошибиться!

Зато внешность второго поразила ее настолько, что она даже растерялась. Он был почти на голову выше своего товарища, да и во всей Ярославовой дружине, пожалуй, не нашлось бы ему соперников. Широкие плечи, длинные руки и ноги производили впечатление такой мощи, цельной, собранной и подвижной, что Елисава вздрогнула и крепче обняла березу: перед ней был живой ураган, способный сметать на своем пути решительно все. Она, своим родом и положением защищенная от всех на свете опасностей, кроме Божьего гнева, сейчас содрогнулась от благоговейного ужаса перед этой силой, словно перед ней стоял сам этот Божий гнев, судьба, рок, который сильнее любого смертного. Каждая черта этого жесткого, выдубленного северными и южными ветрами лица, каждый волосок из длинной густой гривы казались такими яркими, резкими, что мгновенно проникали в самую глубину души и завладевали ею. И нельзя сказать, чтобы он был красив – варяжское лицо с прямыми грубоватыми чертами, одна бровь немного выше другой, небольшая бородка, блестящие, как голубая молния, острые и зоркие глаза, тонкий, но заметный шрам, неровно протянувшийся от подбородка до скулы. Это лицо излучало силу, которая была больше красоты и которая делала красоту ненужной. Перед Елисавой стоял человек, привыкший всегда и во всем быть первым, понимавший первенство как свое неотъемлемое право. Золотистые волосы, заплетенные вдоль лица в две косы, сзади падали на спину свободной волной; в каждом волоске отражалось солнце, и оттого казалось, что его голова окутана пламенем. Борода, усы и брови, имевшие мягкий рыжеватый оттенок, были чуть темнее волос, и эта единственная черта придавала его облику немного тепла и человечности.

Прижавшись к стволу березы, Елисава неожиданно растерялась, застыла и не знала, что ей делать – то ли гневаться, то ли звать на помощь. Какой-то глубинный внутренний голос призывал ее бежать без оглядки, – но, увы, в состязании с таким львом даже самая быстроногая лань заранее обречена.

Кроме того, мужчины, похоже, совершенно не представляли, кто она такая. Одета в две обычные льняные рубашки и шерстяную поневу с девичьим узором, с пояском из тесьмы, княжна сейчас отличалась от простых девок разве что парой дорогих перстней.

– Что это она на нас так смотрит? – спросил у товарища белобрысый. – Неужели мы такие страшные?

– Слушай! – Высокий оживился, двинул бровью и даже слегка подался в сторону Елисавы, из-за чего она вздрогнула и крепче прижалась к березе. – Если тут праздник, то мы с ней можем сделать все, что хотим? Это же вроде праздника Дис, я правильно помню?

– Нет, ты перепутал! – Белобрысый поспешно схватил его за локоть. – До того праздника, когда все можно, еще два месяца. Тогда везде будут жечь костры. Вот не думал, что придется объяснять тебе, что к чему, ведь ты когда-то так хорошо в этом разбирался! Ты помнишь хоть какие-нибудь русские слова? – спросил он своего спутника и с подчеркнутым дружелюбием улыбнулся Елисаве.

И это выглядело настолько забавно, что она невольно улыбнулась ему в ответ. Хотя, слушая их, княжна от изумления и возмущения едва ли помнила себя. С трудом верилось, что двое чужих мужчин обсуждали ее в таком тоне – ее, старшую дочь Ярослава! – да еще при ней, точно она глухая! Или им даже в голову не пришло, что она может их понимать?

– Сколько угодно, только все ругательные! – тут же отозвался высокий.

– И те путаешь с греческими. Нет, ты дикий человек! – Белобрысый сокрушенно покачал головой. – Тебя нельзя пускать в приличный город!

– Неправда! Я вчера в бане был!

– Откуда вы?

Наконец Елисава настолько овладела собой, что решилась задать этот простой вопрос.

Лица варягов волшебным образом изменились – несколько слов на их родном языке, произнесенные привычно и без усилий, в устах этой славянской девушки так поразили их, как если бы с ними заговорила береза.

– Ты болван, Ульв! – сказал высокий, глядя на Елисаву. – Она все понимает.

– А я тут при чем? – Белобрысый Ульв повел плечом. – Наверное, ее отец – кто-нибудь из наших. Не бойся, Фрейя длинных кос!¹²

– Еще кто кого должен бояться, Бальдр острых мечей!¹³ – холодно отозвалась Елисава. – Я на своей земле.

– Любая земля, куда я прихожу, становится моей! – с вызовом ответил высокий и горделиво положил руки на пояс.

Елисава скользнула беглым взглядом по этому поясу: он был сплошь усажен золочеными узорными бляшками с подвесками, что по дружинным меркам означало высокое происхождение, положение и громкую ратную славу. Впрочем, от такого человека иного ожидать и не приходилось.

– Ты кусок земли получишь
Ровно восемь стоп длиною, –

насмешливо ответила она, кстати вспомнив вису Эйрика конунга из норвежского фюлька Хейдмёрк, сказанную, по преданию, в ответ на требование Харальда Прекрасноволосого отдать эту землю под его власть, и смерила новоявленного завоевателя надменным взглядом. – Знаешь такую сагу?

– Потому что ростом конунг
Будет больше прочих воинов! –

подхватил белобрысый и захохотал.

– Сейчас мы тебя положим где-нибудь на травке, вот и проверим! – с небрежной угрозой ответил высокий, но Ульв крепко схватил его за плечо и почти повис на нем, не давая сдвинуться с места.

– Э, э, сдай назад! – в испуге воскликнул он. – Погоди, у нас еще весла не обсохли, еще ничего не ясно, что тут в городе, на кого мы можем рассчитывать, а ты уже лезешь в неприятности! Знаешь, сколько *это* здесь стоит!

– Ну, если кто придет за платой, то пару хороших ударов меча он у меня всегда получит! Ты же знаешь, я не жадный!

---

¹² Фрейя кос – кеннинг женщины.

¹³ Бальдр мечей – кеннинг мужчины.

– У меня есть отец и шесть братьев! – отчеканила Елисава. Почувствовав явную угрозу своей чести и достоинству, она преисполнилась яростью и злой отвагой. – Если ты меня только тронешь, тебе это будет стоить головы!

– Тогда я буду каждую ночь приходить к тебе без головы! – Высокий усмехнулся, пристально глядя на нее своими пронзительными голубыми глазами, и Елисаву, несмотря на всю ее храбрость, пробрала дрожь под этим взглядом. – Мертвый я буду еще противнее, чем живой. Так что тебе лучше не упрячиться.

– Ходячих мертвецов у вас в Нордлэнде вызывают в суд и объявляют вне закона! – Елисава тоже усмехнулась. – А у нас бьют осиновыми кольями! И это помогает еще лучше!

– Смотри, какая смелая! – восхитился Ульв. – Должно быть, отец ее большой воевода... не меньше десятского.

– Да, пожалуй! – ядовито отозвалась она. – И если вы, отважные воины, явились в Кёну-гард с целью продать подороже ваши острые мечи, то вам придется проехать чуть подальше... еще месяц пути. Когда вы придете наниматься *в десяток* к моему отцу, вас не примут!

Она оторвалась от березы и торопливо пошла прочь. Оба варяга смотрели, как исчезает среди белых стволов ее светлая рубашка, и оба думали примерно об одном и том же.

– Ты не помнишь, разве у Рёгнвальда были дочери? – спросил высокий.

– Сына помню, Ульвом звали, как меня. – Его товарищ пожал плечами. – Да у Рёгнвальда уже внуки могут быть, только они скорее в Альдейгье живут. Но... тролли их разберут, кто тут теперь наверху. За одиннадцать лет много чего случилось!

– Ну, так где обещанное пиво? – Высокий огляделся.

– Будем искать. Пойдем! – Ульв хлопнул его по плечу. – От девчонок сегодня, кроме песен, ничего не добьешься. Поищем, где у них тут гуляют мужчины. Там уж точно нальют... если мы будем вежливы.

– Хотел бы я поглядеть на того, кто не сочтет меня достаточно вежливым! – Высокий самодовольно ухмыльнулся. – Я этому наглецу сразу челюсть на сторону сворочу. Хочешь, поспорим, что я раздобуду пива совершенно бесплатно?

– Пусть тролли с тобой спорят! – почти в ужасе отмахнулся Ульв. – А я не такой дурак. Я тебя знаю. Ты ведь всегда вытаскиваешь белый камешек, даже если в кувшине были одни черные!

Оба варяга засмеялись и пошли меж берез к поляне, откуда смутно долетало гудение рожков и обрывки нестройно поющих голосов.

Елисава, выйдя из рощи, почти сразу наткнулась на Прямыславу, но та была так захвачена собственными переживаниями, что не заметила яркого румянца и блеска глаз старшей сестры.

– В Вышгород голова царьградского обоза пришла! – воскликнула она, едва увидев Елисаву. – И еще сказали: немцы завтра будут здесь!

– Ах, пропади они пропадом, эти немцы! – в сердцах ответила Елисава, еще не остыв после встречи в роще. Она и сама не знала, почему весть о долгожданном приезде посольства вызвала в ней только досаду.

По дороге до княжьего двора, одолевая гору, она немного успокоилась. Краем уха слушая болтовню Прямыславы и нянек, Елисава пыталась прикинуть, что ей следует надеть к прибытию немцев, но в голове была путаница. А нужно усвоить урок и сосредоточиться на важном: даже если герцог Фридрих слеп как крот, она не позволит и ему принять ее за простую девку, которой можно говорить все глупости, что приходят в голову! Княжна мысленно перебирала верхние и нижние рубахи, накидки, венцы, ожерелья, сапожки, но все это вдруг представилось ей безвкусной и беспорядочной кучей, в которой ничего ни к чему не подходило. И при этом на нее был направлен насмешливый, пристальный и немного пренебрежительный взгляд острых голубых глаз под густыми рыжеватыми бровями. Их обладатель смотрел на нее неотрывно,

смеясь над ее попытками принять важный вид и одновременно давая понять, что вся эта куча тряпок не имеет ни малейшего значения...

Когда Елисава вместе с сестрами и челядью вошла во двор, навстречу им с крыльца бежал Ульв, сын Рёгнвальда. Вид у него был возбужденный, скорее встревоженный, чем радостный, и Елисава мельком подумала, не явилась ли к ним, в придачу к немцам и царьградскому обозу, какая-нибудь шальная, не связанная договором печенежская орда.

Но она не успела как следует вылепить эту мысль, ибо ее заметил Ульв. Он остановился и, махнув рукой, крикнул:

– Эллисив! Слышала новость? Как раз для тебя! Харальд вернулся!

Женщины вокруг ахнули, а Елисава застыла, как будто вмиг превратилась в ледяной столб. Ей стало жарко и холодно разом, мир покачнулся. То, что сказал Ульв, находилось в невероятном соответствии с тем, что она принесла в себе. Он только назвал по имени ее впечатление. Харальд!

Харальд!

Это был он! Тот, кого она только что видела! На свете просто не может быть два таких человека! Высокий, с рыжеватыми бровями, из которых одна выше другой... Весь его вид, осанка, повадки, меч, пояс, гордая самоуверенность в каждом слове и движении – во всем был виден он, потомок норвежских конунгов, завоеватель Страны Сарацин, опора и угроза константинопольского престола. Может, она и сама догадалась бы, если бы не была убеждена, что он за морями... И если бы у нее в распоряжении было побольше времени...

А вот он почему не догадался? Он-то каким дураком себя выставил! Встретил девушку, к которой сватался, и не узнал! Да к тому же еще наговорил ей такого, за что сам свернул бы шею любому другому.

И Елисава, уцепившись за плечо Буденихи, вдруг расхохоталась на весь двор. Люди оборачивались, не понимая, что так развеселило старшую Ярославну, а она все смеялась, свободной рукой смахивая слезы со щек. Все-таки лучше смеяться, чем стоять с глупым видом.

Глава 5

Поднявшись в терем, Елисава хотела первым делом пройти к матери, но боярыня Любава Прозоровна многозначительно указала ей на закрытую дверь и погрозила пальцем: там был князь. Не обращая внимания, Елисава потянула за литое бронзовое кольцо и вошла в горницу, убранную со всей роскошью, которую могли предоставить умельцы Руси, Скандинавии, Ирландии, Греческого царства и Востока. Здесь и впрямь находился князь Ярослав: сильно хромая и опираясь на посох с серебряным набалдашником в виде львиной головы, он расхаживал перед сидевшей на лежанке Ингигердой. Между родителями происходило бурное объяснение.

– Это ты мне советовала! И как я теперь буду выкручиваться, скажи мне, как? – говорил Ярослав, но при звуке заскрипевшей двери умолк и с гневом глянул на вошедшую.

Однако при виде старшей дочери он изменился в лице: не то чтобы обрадовался, но признал, что она имеет право находиться здесь. И это вмиг открыло Елисаве, о чем сейчас шла речь.

– Вы знаете, да? – слегка задыхаясь, воскликнула она. – Он вернулся! Это правда, я его видела!

– Надо же, ты успела его повидать? – Княгиня Ингигерда сразу поняла, о ком говорит дочь, и усмехнулась. Несмотря на то, что разговор, похоже, был тяжелый, она не теряла самообладания и даже сохраняла свой всегдашний, уверенный и немного насмешливый вид. – А нас он не спешит навестить. Значит, он по-прежнему тебя любит?

– Любит! – с издевкой и негодованием одновременно фыркнула Елисава. По-прежнему! Любит! Да разве можно назвать любовью его давнее сватовство?! А также то, что случилось сейчас в роще!

– Кто ему позволил видеться с моими дочерьми без моего ведома? – возмутился князь Ярослав. – Пока еще только я вправе решать, с кем и как им видеться, что бы он там себе ни воображал! Кто его к вам пустил? Почему мне не сказали? Но если он все-таки здесь был, то мог бы зайти поприветствовать и нас! Харальд всегда был наглцом, а теперь, должно быть, вообразил себя такой важной птицей, которой никакие законы не писаны!

– Его здесь не было, он сюда не приходил, я видела его в роще! – закричала Елисава, перебивая отца и стараясь заглушить этот поток возмущения, больше похожий на брань. – И он не любит меня, он меня даже не узнал! Ну и глупый же вид у него будет, когда он увидит меня здесь.

– Это хорошо! – весело ответила княгиня Ингигерда. – А то твой отец боится, что глупый вид будет... у кого-то другого!

Княгиня не могла выставлять мужа дураком перед собственной дочерью, однако не понять ее намек было трудно.

– У тебя! – с досадой ответил князь Ярослав, которому гнев мешал рассуждать здраво. – Это ты мне насоветовала! Зачем только я тебя послушал!

– А затем, что никто другой не дал тебе совета получше! – ничуть не смущаясь, отозвалась княгиня. Она вообще никогда не жалела о прошлых решениях и поступках, ибо уважала себя и те побуждения, которые ее к этому подвели. – Кто же знал, что Харальд вдруг вернется? Я ведь не ясновидящая! Если бы он приехал не с весенним, а с осенним обозом, когда ты собрал бы подати, то все обошлось бы.

– Что случилось? – спросила Елисава, которая никак не могла уловить, о чем они говорят.

– Случилось... Теперь, если он опять посватается, придется давать еще и приданое. – Княгиня вновь обернулась к мужу.

Князь Ярослав наконец перестал ходить, сел на край лежанки и сжал голову в ладонях. Он был без шапки, и Елисава вдруг заметила, что в темных волосах на затылке у него светится «окошко». Отец уже не молод, а забот у него так много...

– Да что случилось-то? – повторила она.

– Мы заплатили Ульву и другим из тех денег, которые присылал на хранение Харальд, – пояснила княгиня. – Конечно, там еще много осталось, но Харальд отлично умеет считать деньги и сразу заметит нехватку.

– Христос Иисус пришел в мир спасти грешников, из которых я первый! – в отчаянии повторял Ярослав слова апостола, словно взывал о помощи к иконам в красном углу. – Теперь он скажет, что я вор! Где я сейчас возьму ему это проклятое серебро? А еще приданое! Нет, раньше осени никаких свадеб!

– Я не очень-то и тороплюсь! – надменно, как будто говорила с самим Харальдом, ответила Елисава и даже подняла нос повыше. Пусть никто тут не думает, что она прямо-таки дрожит от нетерпения стать женой того, кто одиннадцать лет прекрасно без нее обходился. – И еще вопрос, хочу ли я за него выходить!

– Отлично! – насмешливо одобрила княгиня. – Если ты, князь, не совсем разочаровался в моих советах, то вот тебе еще один: не можешь расплатиться с работником, давай ему побольше работы! Пусть Харальд сам добудет то, чем мы будем с ним расплачиваться. В наше распоряжение явился такой великий воин, что было бы глупо этим не воспользоваться. Он служил императору, захватил столько земель и городов, а для нас пока ничего не сделал. Пошли его на печенегов, на чудь, на литву! Хочет он жениться на нашей дочери – пусть сам раздобудет ей приданое! Пусть докажет, что достоин ее руки.

– Он скажет, что уже все доказал!

– Мало ли что было там, за морями! Какая нам польза от того, что он захватил восемьдесят городов в Стране Сарацин? Пусть соберет нам дань с ятвягов! Вот это будет и честь, и выгода. Значит, моя детка, ты понравилась ему при встрече? – Княгиня снова обратилась к дочери.

Елисава подумала и решительно тряхнула головой:

– Я думаю, что да!

Княжна могла утверждать это вполне уверенно. Она еще совсем не знала его, но успела понять: Харальд, сын Сигурда, не такой человек, чтобы останавливаться возле девушки, которая ему не понравилась бы.

На другой день Елисава поднялась пораньше, велела причесать себя с особой тщательностью и выбрала лучшее платье. Стола из плотного алтабаса, с узорами, вытканными золотой волооченой нитью по бледно-желтому полю, с оплечьем и рукавами, обшитыми гладким темно-коричневым, почти черным бархатом, который умелые цареградские мастерицы украсили узорами из золотой и серебряной нитей с жемчугом, была частью наследства, оставшегося после жены деда Владимира Святославича, греческой царевны Анны. К темно-рыжим волосам Елисавы все это необыкновенно шло. Правда, ростом царевна Анна явно уступала Елисаве, потому что стола была ей коротковата, но зато позволяла показать красные сафьяновые полусапожки, точь-в-точь такие, какие носят царевны. Дополнял наряд золотой венец с жемчужными привесками, с крестиком надо лбом, выложенным из четырех самоцветов: двух голубых глазков бирюзы, зеленого хризопраза и черного агата, обрамленных крупными жемчужинами. Во всем этом Елисава очень нравилась себе – уж наверное, красотой и статью она ни одной царевне не уступит. По крайней мере, Будениха и горничная девка Куница, одевавшие ее, неизменно приходили в восторг.

Сидя в горнице, Елисава ждала сама не зная чего и чувствовала только, как нарастает, закипает волнение, как все большее сжимается что-то внутри – просто оттого, что ничего не происходит. Она убеждала себя, что еще слишком рано, что Харальду нужно время, чтобы при-

вести в порядок себя и дружину... но неужели ему не хочется повидать свою невесту, узнать, какой она стала? Неужели ему это безразлично? Внутренний голос подсказывал княжне, что он не придет, но какая-то мучительная внутренняя боль давила и грызла ее, и уже к полудню Елисава чувствовала себя изнеможенной и с трудом сохраняла невозмутимый вид.

Сегодня ее совершенно не интересовал герцог Фридрих, который тоже вчера приехал и поместился на Немецком гостином дворе. Князь Ярослав уже посылал к нему сотского Грознояра, и теперь Саломея, жена последнего, с мужниных слов расписывала Елисаве и прочим обитательницам княжских теремов его многочисленную свиту, одежды вельмож и убранство коней, охотничьих соколов и даже герцогскую шляпу. Саломея, иначе Соломка, приходилась младшей дочерью воеводе Крепибору, а семь лет назад вышла замуж за сына тысяцкого Бранемира и, таким образом, принадлежала к двум знатнейшим киевским родам. Бабка ее была пленная печенежка, а мать, Домна Идельбековна, – дочь одного из мелких ханов, окрещенная и взятая Крепибором замуж после победоносного похода в степь. Соломку она звала другим именем – Танбике. Дочь Крепибора уродилась смуглой, с густыми черными бровями и была не так чтобы красива, но смела и понятлива. Елисава любила Соломку за то, что она могла говорить не только о нарядах и двух своих маленьких детях – дружинные и посольские дела, к которым был причастен ее муж, занимали молодую женщину не меньше.

Но сейчас Соломка старалась напрасно или почти напрасно, потому что Елисава, не в силах сосредоточиться, слушала ее рассеянно. Зато младшая княжна внимала с раскрытым ртом. Теперь и для Прямиславы в приезде немца появился кое-какой смысл, ибо для Елисавы герцог Фридрих больше не существовал.

Однако немец успел прислать своих людей, дабы поприветствовать киевского князя, и был приглашен в дом. Явился он в сопровождении пышной свиты и преподнес князю и всей его семье подарки: двух отличных коней, пару выученных охотничьих соколов, красивые греческие ткани и дорогие, шитые золотом и жемчугом наряды. Вид их поразил киевлян: подаренные платья весьма заметно отличались от того, к чему они привыкли, что носили сами и видели на иноземных гостях. Елисава и Предслава развернули женское платье из ярко-синего шелка, но даже не сразу поняли, где у него верх, а где низ. Оно решительно не походило на греческие столы, прямые и широкие, в которые были одеты они сами, их родители и большинство бояр.

– Это называется блио, – пояснил герцог Фридрих. – Новое платье, которое теперь носят при всех христианских дворах.

Беседа велась при помощи толмача. Баварский герцог, о котором девушки так много думали, оказался человеком уже не молодым, лет сорока, среднего роста, внешности если не внушительной, то весьма изысканной. Его волосы, к удивлению подстриженных по греческому образцу русов, спереди были обрезаны совсем коротко, зато сзади свисали длинными прядями, завитыми в спирали, а в длинную бороду были вплетены золоченые шнуры. Одет он был почти в такое же блио, как то, что преподнес в подарок, только красного цвета и с голубыми рукавами. Верхняя часть платья плотно облегла грудь и плечи благодаря шнуровке по бокам, а нижняя, гораздо шире скроенная, имела вид юбки с клиньями, тоже голубого цвета. Из-под длинного подола виднелась нижняя рубашка тонкого льна удивительно красивого цвета – нежно-золотистого с розоватым отливом, какой дает шафран. Подол ее был заложен в бесчисленные мелкие складочки и вился при каждом движении. На груди герцога сверкали золотые цепи, на одной из которых висел маленький образок из резного агата, руку обвивали четки из сердолика с золотым узорным крестиком, а красный сафьяновый кошелек у пояса был украшен жемчужным шитьем и несколькими золочеными бубенчиками. К пестроте и блеску дорогостоящих нарядов киевская знать привыкла, но одеяние герцога Фридриха придавало ему довольно женственный вид, так что девушки старались подавить улыбки, а мужчины хмурились.

Свита герцога выглядела почти так же, но при этом еще забавнее: у некоторых верхняя и нижняя части блио были сшиты из ткани разных цветов, с пестрыми рукавами и клиньями, так что младшие княжеские дети давились от смеха, глядя на это.

– А почему они не скачут? Когда будут скакать? – Восемилетний Вячко дергал княгиню Ингигерду за руку, думая, что пришли скоморохи.

Однако герцога Фридриха произведенное впечатление не смутило и даже доставило удовольствие. Было видно, что немец гордится собой, и на лице его отражалась не заносчивость, а скорее добродушие: он сам радовался своей красоте и был доволен, что может ею же доставить удовольствие другим.

– Теперь нигде уже, разве что в самых отдаленных местах, не шьют старинных гонелей и камизий, – рассказывал герцог, обращаясь к дочерям и жене Ярослава, твердо рассчитывая на то, что им это интересно. – Одежду старого покроя донашивают самые бедные рыцари, получившие ее в наследство от отцов и дедов. Благородные люди, располагающие достойными средствами, теперь приказывают изготовить шенз и блио. – Он снова огладил рукой собственную фигуру. – В холодное время на шенз надевают дублет или пелиссон, с прослойкой из меха, а поверх блио можно носить гамбезон – его исключительное тепло и удобство способствует тому, что знатные люди надевают его как в обычной жизни, так и в военных походах.

Князь Ярослав с легкой усмешкой следил за этой поучительной беседой, но не вмешивался. Ему нужно было понаблюдать и понять, что представляет собой гость, а потом уже слушать, с чем тот явился в Киев. Не рассуждать же о гамбезонах, в самом-то деле!

– Из старинной одежды еще остаются в употреблении шапы и шазюбли, – продолжал Фридрих, в глазах Елисавы и Предславы и впрямь уловивший большое внимание. Но если Предславу действительно живо увлек рассказ о новой одежде, то Елисава главным образом пыталась понять, есть ли у него за душой что-то кроме этого. – О, дорогие девы, если бы вы могли видеть шап моего дорогого брата, герцога Генриха! Он изготовлен из атласа ярко-синего цвета, подобного ночному небу, и подобно звездам на нем сияют вышитые золотом знаки всех зодиакальных созвездий. Ведь король благодаря своему положению среди людей олицетворяет ночное светило, в то время как Папа Римский является олицетворением божественного солнечного света.

Слушая его, Елисава вдруг с досадой подумала: немец уже приехал и рассказывает им тут о звездном небе, а Харальд так никого и не прислал. И до вечера, когда Фридрих отбыл на Немецкий двор, никто от него не приехал. Зато все варяги из дружины и в этот день, и на следующий где-то пропадали и возвращались поздно – пьяные и довольные. По городу начали ходить новые рассказы о Харальдовых приключениях. Князь Ярослав был мрачен, а княгиня Ингигерда выглядела удивленной.

– Казалось бы, у Харальда нет в этом городе людей ближе, чем мы! – заметила княгиня однажды. – Мы приняли его как родича, когда он в этом нуждался. И ему следовало бы быть повежливее с нами!

– Наверное, Харальд приехал совсем больным и у него отнялись ноги! – сказала Елисава Бьёрну, встретив его вечером у крыльца.

– У него здоровья хватит на десятерых! – успокоил ее Торкель Скальд. – Если кто-нибудь когда-нибудь привозил в Киев такие здоровые и сильные ноги, то это Харальд!

– В твоих словах звучит явный намек! – насмешливо произнесла Елисава. – Уж не пришлось ли ему бежать из Царьграда, крепостью ног спасая себе жизнь?

– Сбежал он из-за той девушки, Марии... – начал было Торкель, но Бьёрн пихнул его локтем.

– Какой еще Марии? – с тихой угрозой спросила Елисава. – Той, о которой тогда болтал Ульв?

– Это все пустое, Эллисив! – утешил ее Бьёрн. – Ничего такого не произошло. Я имею в виду... Он же не взял ее с собой, хотя мог бы. А значит, он все-таки верен тебе и хочет жениться на тебе.

– Отлично! – язвительно отозвалась Елисава. – Вот только не знаю, хочу ли я выйти за него. Уж не потому ли он три дня не показывается нам на глаза, что от любви робеет и смущается?

Оба варяга засмеялись.

– О таком человеке, как Харальд, ничего нельзя знать наверняка, – сказал Бьёрн и развел руками. – Но я думаю, что ты хорошо сделаешь, если наденешь свое самое красивое платье... если, конечно, его мнение для тебя еще что-то значит.

– Не думаю, – фыркнула Елисава. – Если он не торопится нас повидать, то и мы не будем перебирать все наши платья в надежде, что солнце его бесстыжих глаз озарит наш убогий дом!

С этими словами она повернулась и ушла. В глубине души княжна надеялась, что оба верных воина немедленно пойдут к Харальду и передадут ему ее слова.

В толпе мелькнуло озабоченное лицо норвежца Ивара, за ним проталкивались Гудлейв и Альв. Но Елисава быстро поднялась по лестнице, чтобы не встречаться с ними. Ее сейчас совсем не тянуло разговаривать с посланниками норвежского конунга Магнуса. Ей было бы легче, если бы она точно знала, чего хочет. Но она не могла ни на что решиться. Магнус наверняка был бы неплохим мужем – они знают друг друга, он уже конунг, а с двумя вздорными старухами она как-нибудь справилась бы, недаром же она знатностью рода превосходит их обеих! Ее судьба была бы устроена вполне приличным образом. Харальду в этом смысле нечем похвастаться, но почему-то при мысли о нем у Елисавы захватывало дух. Казалось, будто несешься с высокой горы на санях, – и жутко, и весело.

Следующий день спозаранку выдался шумным и суетливым: после обедни был назначен пир в честь герцога Фридриха. У княгини накрыли стол для нее и дочерей, братья завтракали в гриднице с дружиной, но так и осталось неизвестным, удалось ли им в этой суете что-то съесть или пришлось, как многим в этот день, терпеть до пира. Даже завтрак самой хозяйки вышел весьма сумбурным. Челядь была вся в заботах, и княгиня Ингигерда два раза вставала из-за стола, чтобы дать какой-то ключ, присмотреть за чем-то и распорядиться.

– А ты так любишь поспать, что у тебя никогда ничего не будет готово! – Прямыслава дразнила Предславу, которая даже ради такого события не удосужилась встать пораньше.

– Когда я выйду замуж, у меня будет челядь, которая справится без меня! – невозмутимо и беззаботно отвечала та. – А вот Лисаве меньше повезет.

– Почему это мне меньше повезет?

– Говорят, в Нореге жены конунгов сами доят своих коров. И еще радуются, что коров этих так много. А Харальд раздобыл в Греческом царстве столько золота, что купит тебе тысячу коров, и ты будешь доить их с утра до ночи!

– Пока я слышала только об одном норвежском *конунге*, который годился бы мне в мужья! – с нажимом на слове «конунг» ответила Елисава. – И его имя вовсе не Харальд! А Харальд вообще пока никто, знатный бродяга, нахальный хвастун!

– Доедайте, дети мои, а не то опоздаем к обедне! – одернула их княгиня Ингигерда. – Вам уже пора одеваться.

Одевание заняло немало времени, но зато, когда князь Ярослав Владимирович во главе своего семейства и дружины шествовал в собор Святой Софии, никто из видевших их не усомнился бы, что перед ним один из величайших государей христианского мира. Княгиня Ингигерда с тремя дочерьми и невесткой, сам князь Ярослав с пятью бывшими при нем младшими сыновьями блистали разноцветными шелками, золотым и жемчужным шитьем, цветным сафьяном сапог, золотом украшений и оружия, так что глазам было больно смотреть на них. Княгиня Ингигерда надела столу из серебристой объяри и вишневого бархата, расшитого золо-

том и серебром на оплечье и рукавах; Елисава – свою любимую золотисто-желтую, а Предслава облачилась в новую, недавно сшитую нарочно для нее из привезенного какими-то печенегами в подарок китайского шелка, где по красной земле были вытканы дивные белые кони – крылатые, с цветами на головах.

Воеводы Ярослава тоже в лучших одеждах, многие с широкими золотыми гривнами, с длинными бородами; гриди младшей дружины, украсившие себя добычей из разных сторон света, – шествие заняло собой всю улицу, и его передние ряды уже приблизились к церковным воротам, когда последние только тронулись с княжьего двора.

Перед собором их должен был встретить герцог Фридрих со своей свитой. В устье улицы уже слышался шум, над тынами вились тонкие пестрые флажки, закрепленные на поднятых копьях, и киевляне, оседлав свои тыны и забравшись на крыши, радостно вопили, приветствуя знатного гостя... как вдруг с другой стороны послышался не менее значительный шум.

Елисава обернулась. От варяжских торговых дворов валила толпа, народ с криком бежал к площади, словно какая-то могучая сила выпирала его с улицы. Гриди, оберегавшие княжеское семейство от образовавшейся давки, встретили народ сомкнутым строем щитов.

– Пройдите, пройдите! Ступай сюда, княгиня! – Тысяцкий Бранемир Ведиславич, деловито раздвигая нарядную толпу, пробирался к паперти и призывно махал руками княгине Ингигерде. – Идите сюда, Ярославны! Сюда, а не то затолкают!

Гриди проводили женщин к ступенькам, а Елисава все оглядывалась. Молодая княгиня Гертруда-Елена, жена Изяслава, оробев, схватила ее за руку, словно надеялась вместе с ней спастись в этом водовороте, а Елисава даже не слышала, что там бормочет ей перепуганная невестка. Все громче раздавался топот множества копыт по деревянной мостовой. Звучали трубы, и она уже видела над толпой стяг с изображением ворона – он мог принадлежать только одному человеку. Это Опустошитель Страны, знаменитый стяг Харальда! Она поняла все даже раньше, чем увидела его. На соборную площадь выехала варяжская дружина, а впереди был рослый всадник на белом коне. На голове всадника блестел золоченый шлем, на плечах развевался ярко-алый плащ, а на поясе висел длинный меч в позолоченных ножнах. В этих цветах, гордый, яркий, он так был похож на Ярилу, на святого Георгия, которого чествовали в эти дни, что у Елисавы оборвалось сердце. Не ошиблась ли она тогда в роще? Не приняла ли за смертного человека одного из небесных жителей, древнего бога или святого, который слишком хорош, чтобы быть всего-навсего Харальдом?

Но княжна тут же опомнилась. Что это нашло на нее? Конечно, это Харальд. Наконец-то она дождалась его! Теперь, когда она видела, с каким блеском, в окружении многочисленной, пышно разодетой дружины Харальд выезжает на площадь, ей стало ясно, почему он так медлил показаться им на глаза. Не потому, что не находил времени для княжеской семьи, а потому, что хотел обставить свое появление должным образом. И ему это удалось! Никто сейчас не смотрел туда, откуда ехал к собору герцог Фридрих, никто не смотрел на его коней и причудливо наряженных спутников. Все смотрели только на Харальда и дивились его неожиданному появлению. Он смело мог бы утверждать, что явился прямо с неба!

Теперь и Елисава так разволновалась, что ее рука задрожала в руке княгини Гертруды. Сердце ее одновременно падало в бездну и возносилось к небесам. Под блестящим золоченым шлемом она узнала то самое лицо, которое все эти дни стояло у нее перед глазами. Харальд пока еще не видел ее. Он вообще не обращал внимания на женщин, сбившихся в пеструю, раззолоченную толпу на паперти, а смотрел на князя Ярослава.

Князь ждал его, стоя перед собором и стараясь держать в поле зрения обе улицы. Он оказался в не очень удобном положении: с разных сторон к нему приближались два знатных и могущественных гостя и обоим он был обязан приветствовать должным образом. Герцог Фридрих мог бы потребовать внимания на том основании, что именно его-то князь Ярослав ждал, поскольку пригласил послушать церковную службу. Но внезапное появление Харальда, кото-

рого не звали, потому что он не соизволил объявить о своем приезде, нарушило весь ход торжества.

Перед церковным двором две процессии столкнулись передними рядами, смешались и частично слились; с паперти Елисава видела, как площадь вскипела, превратившись в море человеческих и конских голов. Стоял сплошной шум, и трудно было расслышать что-то определенное. Князь Ярослав следил за двумя всадниками на белых конях; герцог Фридрих уже готов был спешиться, но в последнее мгновение Харальд грудью своего коня оттеснил его в сторону и проехал первым. Немец вспыхнул и даже положил руку на рукоять меча, но Харальд совершенно спокойно подставил ему спину, соскочил с коня, бросил поводья кому-то из своих людей и, встав прямо перед князем Ярославом, почтительно поклонился ему. Когда он снял шлем, его длинные золотистые волосы густыми прядями рассыпались по плечам. Кланяясь, он сохранял нерушимое величие и благодаря своему огромному росту и мощному сложению выглядел истинным королем, отмеченным Богом, даже рядом с киевским князем и его пышной свитой.

– Приветствую тебя, князь Ярослав Владимирович! – отчетливо произнес Харальд по-славянски, и от звука этого низкого голоса Елисава вновь пробрала дрожь. То, что он заговорил на славянском языке, который должен был совсем позабыть за одиннадцать лет на чужбине, перевернуло ее душу: прославленный викинг словно бы хотел подчеркнуть, как дорого ему все то, что он когда-то здесь оставил и к чему наконец вернулся. Но продолжил он на северном языке: – Пусть благословит Бог, который все создал и всем правит, тебя, твой дом, твой род и дружину, и Киев-град, и всю Русскую землю! Я, Харальд, сын Асты, из рода Харальда Прекрасноволосого, приветствую тебя! Я долго здесь не был, но ты, наверное, не позабыл меня. Не сомневаюсь, что найду здесь в благополучии все то, что когда-то оставил!

– Приветствую тебя, Харальд, сын Асты! – Ярослав благосклонно кивнул, хотя в последних словах гостя не мог не усмотреть намека на растроченные сокровища. – И впрямь, давно тебя не было на Русской земле. Надеюсь, ты нашел в чужих краях то счастье, которое искал! Мы слышали, что от греков ты видел много чести и раздобыл немалые богатства.

– Самое большое мое богатство, надеюсь, ждет меня здесь! – ответил Харальд, и, услышав эти слова, Елисава затрепетала. – Моя невеста, твоя дочь, я надеюсь, здорова? Могу я увидеть ее и поднести ей мои подарки?

Елисава, стоявшая на паперти, смотрела ему в лицо, в эти светло-голубые глаза под рыжеватыми бровями, и ее душа наполнялась дивным чувством – восторгом и блаженством. Она словно бы воспаряла над собственным телом, и все происходящее казалось прекраснее, чем самые ее пылкие мечты. Этот Фрейр, этот Ярила, этот святой Георгий приехал сюда ради нее! Она не удивилась бы, если бы он прямо сейчас взял ее с паперти, посадил на своего белого коня с золоченой уздой и по радужному мосту увез прямо в рай.

– Вся моя семья, кого ты знал ранее, благодарение Господу, здорова и благополучна! – ответил ему киевский князь.

Одновременно с этим Харальд поднял глаза и нетерпеливым взглядом окинул женщин за спиной Ярослава, стоявших на ступенях церкви. Заметив там трех или четырех молодых женщин, он понимал, что едва ли признает среди них свою нареченную невесту. За те одиннадцать лет девочка должна была вырасти, да и личико той девочки он помнил очень смутно. Княгиню Ингигерду отличить нетрудно: при всей молодости ее все же не спутаешь с девушками-дочерьми... Еще одна – в нарядном уборе замужней женщины, другая слишком юна...

Взгляд Елисавы, которая напряженно следила за ним, вдруг встретился с его взглядом. Живой, пылкий блеск светло-голубых глаз ударил, как молния, и Елисава вздрогнула, еще крепче сжав руку княгини Гертруды. Но и Харальд изменился в лице. Несмотря на пышную нарядную одежду и жемчужный венец, он в тот же миг узнал девушку, с которой в день приезда разговаривал в роще, но не сразу поверил своим глазам. В мгновенной растерянности он сле-

лал шаг вперед, не слыша, что говорит ему князь Ярослав. На лице норвежца отразились замешательство и тревога. Но Елисава, хоть и мечтала раньше полюбоваться его «глупым видом», неожиданно для себя вдруг покраснела сама.

Харальд быстро глянул на Ярослава. Ему хотелось тотчас, немедленно узнать, кто эта девушка – Елисава или другая, средняя, княжна? Разница в годах между двумя старшими сестрами была невелика, и она могла оказаться как Елисавой, так и Предславой.

Ярослав Владимирович, встретив недоуменный взгляд гостя, кажется, понял, в чем причина его смятения. И наконец улыбнулся: это была его маленькая месть за то, что Харальд, еще не появившись в княжых хоромы, заставил волноваться их семейство.

– Мои дочери, как и мы с женой, будут рады поприветствовать тебя! – добавил он, не обращаясь к женщинам. – Но нам следует почтить и другого моего гостя – герцога Фридриха.

Немца непростительно забыли, и он, будучи оскорблен и разгневан, чуть было не повернул коня прочь. Теперь, отбив первое место, Харальд мог бы проявить учтивость, но он, подходя след за Ярославом к Фридриху, еще два или три раза оглянулся на паперть.

Елисава, конечно, догадалась, какие сомнения его мучают. Бросив невестку, она повернулась и вцепилась в руку Предславы.

– Улыбнись ему разочек, ну! – горячо зашептала она, дергая белую руку сестры, украшенную тремя или четырьмя драгоценными браслетами с цветной эмалью. – Улыбнись скорее, он опять оборачивается!

Харальд действительно обернулся и поймал ее взгляд. Елисава была очень довольна. Если девушка вот так шепчет что-то на ухо другой девушке и при этом искоса поглядывает на парня, он должен быть бесчувственным чурбаном, чтобы не изнывать от тревоги и любопытства: ясно же, что говорят о нем! Какой приговор ему выносят?

Предслава ничего пока не поняла, но, обладая покладистым нравом, послушно улыбнулась норвежцу. Улыбка у нее была безмятежная и ласковая, так что сердце Харальда, вероятно, дрогнуло еще раз. Что касается старшей княжны, то она не сомневалась: еще чуть-чуть, и Харальд, раскланявшись с Фридрихом, дернет за рукав Ульва, сына Рёгнвальда, или еще кого-то из киевских варягов, и ему укажут пальцем на нее, Елисаву Ярославну. Но эти несколько мгновений будут полны для нее сладостного торжества. Она поразила его, заставила мучиться – это ли не победа над несокрушимым, удачливым, неотразимым Харальдом?

Когда с торжественными приветствиями было покончено, все общество вошло в собор. Проходя на свое место, Елисава заметила, что Харальд не остановился у дверей, где стоял в прежние годы, а прошел вперед и встал у алтаря рядом с князем Ярославом, как полноправный христианин. Значит, там, в Царьграде, его крещение было доведено до конца, что подтверждал и висевший у него на шее тяжелый золотой крест, украшенный дорогим жемчугом и смарагдами. Несмотря на то что Харальд старался сохранять благочестивый вид, его взгляд то и дело устремлялся в сторону женщин и часто встречался со взглядом Елисавы. При этом она каждый раз дергала за руку Предславу, чтобы та тоже на него посмотрела. Елисаве нравилось думать, что они все еще дурачат его. И судя по тому, что Харальд с одинаковым любопытством всматривался в лица обеих, смутно белевшие в полутьме церкви, он пока еще не понял, которая из них – его предполагаемая невеста.

Едва ли он так внимательно слушал службу, как делал вид, но и Елисава сейчас не могла похвалиться настоящим прилежанием. О, она была точь-в-точь, как те суетные женщины из поучений Иоанна Константинопольского, что приходят в церковь не молиться, а покрасоваться перед молодыми мужчинами. Понятно, что этих грешниц ждет самая печальная участь, но Елисаве и в самом деле было не до того. Душа ее утопала в блаженстве, словно вопреки всем грехам оказалась в райском саду. Никогда прежде она не чувствовала такого биения жизни в каждой жилочке; даже будь с ней под одной крышей сам Ярила, пробуждающий жизнь во всякой земной былинке, ее кровь едва ли могла бурлить сильнее. Она была так взволнована, как

будто стояла перед райскими вратами, а сама кровь ее превратилась в горячее вино или сладкий мед. Каждый вдох наполнял душу и тело княжны новым блаженством. Почему? Откуда это? Отчего кажется, будто ей поднесли величайший, драгоценный подарок? Словно ей подарили весь Киев, весь Царьград, весь Божий мир! В ее жизни появилось нечто новое, не похожее на все привычные впечатления, и при этом огромное и яркое! Нечто такое, что способно изменить весь ее мир, сделать его живее и богаче. Она знала, что Харальд будет возле нее и сегодня, и завтра – такие торжества в один день не кончаются – и еще долго-долго! А значит, этому блаженству не предвиделось конца.

Признаться, она сама не понимала, чего же, собственно, ждет от новой встречи с Харальдом. Подарков? Любви? Свадьбы? Звания норвежской королевы? Она не знала, у нее не было никаких определенных желаний, но само присутствие Харальда при тех старых и новых связях, которые между ними возникли, поднимало ее к облакам. И ей даже казалось странным, что Предслава рядом с ней невозмутимо слушает службу и совсем не волнуется. Впрочем, Харальд приехал не ради Предславы.

Что же касается герцога Фридриха, то в его сторону Елисава не смотрела и даже не думала о нем. Он теперь значил для нее не больше, чем сухая травинка, прилипшая к отцовскому сапогу на площади и таким образом попавшая со всеми в собор. Все то, что она раньше связывала с этим именем, рассеялось, словно дым. То было пустое мечтание, которое, как известно, грех. К ней пришла ее настоящая судьба.

Глава 6

Когда служба закончилась и все повалили из собора назад, на площадь, Елисава старалась держаться поближе к матери. Почему-то ее ужасало, что именно сейчас Харальд, возможно, подойдет к ней. Что он скажет? Она еще не готова была увидеть его так близко. Но красный плащ и золоченый шлем, к счастью, блистали довольно далеко от нее, в толпе мужчин. Он пока не считал приличным – или нужным – подходить к женщинам, и Елисава облегченно вздохнула. На пиру у нее еще будет время к нему присмотреться и справиться со своим волнением. Да и что он тут в шлеме ходит, будто на войну собрался? Как дурак, в самом-то деле! Еще бы броню в церковь нацепил, чудо заморское!

Пир для знатных гостей был приготовлен в гриднице, нарочно возведенной для больших пиров и приемов к югу от Десятинной церкви. Это было обширное каменное строение, где весь нижний ярус занимал пиршественный покой, способный вместить несколько сотен гостей, если считать и деревянные гульбища, идущие вокруг здания с трех сторон. Изнутри стены были покрыты фресками с изображением сцен охоты, сражений или игрищ, пол выложен шифером, двери и окна отделаны мрамором. Но и тут без затруднений не обошлось: ведь пир готовили только для киевлян и Фридриха с его свитой. Теперь приходилось срочно изыскивать за столами место для Харальда и его людей. Ключник и тиуны метались, челядь волокла новые лавки, посуду и бочонки, отроки разводили гостей по местам. Конечно, кое-кому пришлось потесниться, а кое-кому и вовсе остаться во дворе, где спешно устанавливали и накрывали дополнительные столы. Очень многие обнаружили, что им, к сожалению, не доведется увидеть на этом пиру князя и его знатных гостей, а под ногами будет немного конского навоза, но, честно говоря, в теплый весенний день пировать на свежем воздухе гораздо приятнее!

Князь с женой и всеми детьми занял главный стол, стоявший напротив входа в гридницу. Раньше предполагалось, что герцог Фридрих сядет с ними, но теперь его и Харальда посадили в центре двух других столов, лицом друг к другу. Их свиты и дружины шумно рассаживались, вдоль столов уже несли огромные блюда с кусками жареного мяса, подавали целиком зажаренных лебедей, уток, гусей и прочую птицу. Занимая место, Елисава заметила, как княгиня Ингигерда в чем-то тихо убеждает мужа, поглядывая на двух старших дочерей. Елисава вспомнила: сегодня утром предполагалось, что она поднесет приветственный рог немецкому гостю. Но сейчас вполне обычная обязанность повергла ее почти в ужас: только этого не хватало! Пусть Предслава занимается! Теперь, с приездом Харальда, у второй дочери Ярослава появилась возможность «унаследовать» от старшей сестры несостоявшегося жениха.

Заняв достойное его титула почетное место, герцог Фридрих наконец-то успокоился и принял снисходительно-добродушный вид. Сегодня он был уже в другом наряде: круглой накидке под названием шап из красного шелка с золотым шитьем, в забавном колпаке с длинным хвостом и меховой опушкой. Однако теперь Елисава замечала его не больше, чем утварь в гриднице. Куда ему было против Харальда, норвежского льва с буйной золотистой гривой, загорелого и овечьего сухими ветрами пустынь! Сидя на своем месте напротив герцога, Харальд, сняв шлем и плащ, охорашивался, поправляя распущенные волосы и украшения, но при этом ухитрялся сохранять вид нерушимого превосходства и уверенности. На нем был греческий скарамангий из белого самита, затканного серебряной нитью, с отделкой из зеленого шелка и крестообразно нашитыми на золотную тесьму красными гранатами – такой красивый, что дух захватывало. Золотые цепи на его груди, длиннее и толще, чем у немца, поражали изысканной восточной и греческой работой. Все это он где-то взял в качестве добычи, и торжество победителя, пожинаящего заслуженный почет, ясно отражалось на его грубоватом обветренном лице. Герцог Фридрих посматривал на него с видом снисходительного превосходства – дескать, что взять с потомка кровожадных викингов, которые считали за честь никогда не

ночевать под закопченной крышей и были, конечно, немногим лучше зверей. Вероятно, этот щеголь даже не знает, что зеленый цвет считается цветом беспечной молодости и несостоятельности, что вовсе не к лицу человеку, желающему подчеркнуть свою зрелость, богатство и влияние. Да и непохоже, чтобы крещение, хоть и принятое в самом Константинополе, просветило Харальда и смягчило его дикий нрав!

Княгиня Ингигерда через отрока подозвала к себе Елисаву.

– Возьми рог! – шепнула она и кивнула на кравчего, который уже стоял наготове. – Пора начинать.

Княжеский духовник, отец Григорий Смирята, вышел вперед, чтобы прочитать молитву. Гости затихли.

– Отчего же нам не прочтает молитву митрополит? – громко сказал Харальд. – Или ты, Ярислейв конунг, больше не приглашаешь на пиры служителей Божьих? Или они осуждают пиры как службы старым богам? Вроде бы большой весенний пост уже закончился...

– А ты разве не соблюдаешь постов и не знаешь, когда они кончаются? – сухо ответил ему князь Ярослав.

– Да я ведь только что с дороги, а в пути трудно следить даже за тем, какой теперь день недели.

– Мы с прошлого года воюем с греками, и ты в Царьграде должен был об этом знать. Скоро здесь будет Белгородский епископ, и его труды помогут твоей душе, Харальд, если в этом есть нужда!

В словах князя прозвучал намек, что в такой момент заезжий варяг мог бы и помолчать. Но Харальд не остался долгу.

– Если бы я знал, что в Киеве недостает священников, то привез бы вам их из самого Миклагарда! – насмешливо ответил он, но в голосе его звучала неприкрытая гордость.

– Это правда! – невольно вырвалось у Елисавы. – Ведь Харальд конунг умеет захватить всякого, кто ему покажется нужным!

Харальд бросил на нее многозначительный взгляд, и ее пробрала дрожь. Понял ли он, что она имеет в виду Марию, племянницу императрицы?

Во время молитвы Елисава старалась не смотреть на Харальда, взгляд ее скользил по рядам нарядных бояр и гридей всех трех дружин. Гости стояли за столами плотными рядами, сверкая нарядными цветными одеждами, золочеными поясами, шейными гривнами, застежками плащей. Золотистая голова Харальда возвышалась над гридницей подобно солнцу, и, слушая молитву, он с таким непринужденно-повелительным видом проводил пальцами с перстнями по своим рыжеватым усам, точно молитва эта читалась не во славу Господа, а в честь его, Харальда, сына Сигурда. В нем была какая-то совершенно особая сила, несокрушимое и повелительное обаяние, которое ставило его в самую середину, где бы он ни оказался и кто бы его ни окружал. Он притягивал взгляды и мысли, вызывал восхищение, робость, уважение; его откровенное самолюбование, возможно, выглядело смешным, но... даже смеясь над этим человеком, вряд ли бы кто-нибудь осмелился не признать, что у него есть все основания гордиться собой.

Наконец молитва закончилась, все закрестились, повторяя «Аминь!» сотней неслаженных голосов, опять загремели лавки, зашуршали золоченые одежды, гости стали усаживаться.

– Подай рог немцу! – Княгиня Ингигерда прикоснулась к руке Елисавы. – Что ты стоишь, как береза на поляне?

Перед княжной оказался турий рог – огромный, больше локтя в длину, изогнутый, окованный узорными золотыми пластинами, совсем новый, сделанный по заказу самого Ярослава и украшенный изображениями святых покровителей рода. «Господи, помоги рабу Твоему Георгию, аминь!» – было написано на верхнем раструбе. А ниже, под поясными портретами святого Георгия, святого Василия и святой Елены, была начертана другая надпись: «Князю

чести, а дружине славы!» Рог, наполненный медом, весил немало, и Елисава взяла его с осторожностью, поскольку боялась не удержать свою ношу перед почетными гостями.

– Почему немцу? – шепотом спросила она.

– Мы же договорились!

– Но Харальд!..

– Мы говорили с отцом, Харальд младше! – быстро ответила княгиня, торопясь скорее покончить с задержкой. – Не стой, иди, все ждут!

– А Харальд?

– Ему поднесет Предслава! Она тоже вторая по старшинству!

– Лучше ты сама подай немцу, а я – Харальду!

– Лисава, не спорь! – Княгиня рассердилась. – Что это с тобой! Делай, как я говорю!

Елисава не привыкла спорить с матерью и тем более не собиралась этого делать на глазах у сотни гостей, ожидающих начала пира. Ей освободили проход, и она, осторожно ступая и крепко держа тяжелый рог обеими руками, выбралась на свободное пространство между столами. Княжна кожей чувствовала, как пристально следят за ней голубые глаза, поблескивающие из-под рыжеватых бровей; этот взгляд буквально держал ее и притягивал. У нее появилось ощущение, что Харальд – колдун, что невидимые могучие чары опутали ее и направляют каждый ее шаг – к нему! Теперь-то он знает, которая из двух девушек его невеста! Осторожно, как по тонкому льду, делая шаг за шагом, она шла к герцогу Фридриху, не глядя по сторонам, а только под ноги, чтобы не споткнуться с этим тяжеленным рогом.

Наконец Елисава повернулась лицом к столу, за которым сидел герцог Фридрих, и тот встал, готовясь ее встретить.

– Э, постой, Фрейя нарядов, ты повернула не туда! – вдруг услышала она за своей спиной звучный голос.

Елисава вздрогнула, оступилась, и часть меда, выплеснувшись, потекла по золоченой стенке рога. Ну все, сладкая липкая влага добралась до пальцев, натекла в ладонь – и рукав, считай, испорчен. Но это еще не беда! Елисава не могла сделать больше ни шагу: этот властный голос, в котором звучала нерушимая уверенность в своем праве, сковал ее по рукам и ногам.

– Я здесь, о Сив мягкого шелка, повернись и подай мне этот рог! – повелительно и даже весело требовал голос у нее за спиной.

Герцог Фридрих в недоумении поднял брови. Елисава обернулась. Харальд тоже стоял, приглашающе протянув к ней широкую мозолистую ладонь, вид которой приводил на ум образы огромных дреки под цветными парусами, буйных ветров, длинных мечей и боевых секир.

– Моя старшая дочь сначала должна поприветствовать старшего из гостей, Харальд! – еще мягко, увещающе, как мудрый отец неразумному сыну, заметил князь Ярослав, но в голосе его уже слышалась угроза. Он не намерен был позволять своему незваному гостю слишком много. – От тебя не уйдет положенная честь, я ведь не обижу гостя. И ты получишь рог в свой черед, из рук моей младшей дочери. Тот, кто моложе годами, должен уступить дорогу, не так ли? Или в дальних странах, где ты побывал, об уважении к старшим уже забыли?

– Ты намекаешь, что у сарацин я и сам стал сарацином? – Харальд, ничуть не смутившись, улыбнулся хозяину. Теперь обе его руки лежали на поясе и вид у него был такой, будто гридница и все, кто в ней находился, были связаны невидимыми узами и без его позволения не смели двинуться. – Я хорошо помню все наши законы и обычаи. И нет такого закона, чтобы невеста в присутствии жениха подносила рог другому мужчине раньше, чем своему жениху! Я такого не допущу! Твоя старшая дочь обещана мне, и она должна поднести этот рог мне! Я никому не позволю попирать мое право, будь он даже стар, как сам Адам!

– Моя дочь принадлежит мне и Господу Богу – никому больше! – сурово изрек князь Ярослав. – Не спеши, Харальд! Ты слишком привык вести себя как завоеватель и забываешь, что теперь ты в доме у друзей!

– Друзей и почти родичей! – подхватил Харальд. – Видит Всевышний, я не хочу ничего, кроме дружбы и родственной любви! Но в этом доме я желаю встречать родственное и дружеское отношение, а также уважение моих прав!

– Ты торопишься, Харальд! – Ивар, сын Хакона, не выдержав, тоже встал и положил руки на пояс, не менее богатый, чем у его молодого соперника. – Эллисив не обручена с тобой, у тебя нет на нее никаких прав, и есть в мире другие знатные люди, достойные получить ее в жены и принять рог из ее рук!

– Я знаю, о ком ты говоришь, Ивар! – Харальд не стал делать вид, будто не понял, о чем речь. – Все в Киеве говорят, что мой родич, Магнус конунг, прислал вас, чтобы посватать ему мою невесту. Но он опоздал, можешь так и передать ему! Я посватался к ней еще в то время, когда он играл деревянными мечами! Его самого кормили кашей с ложки, когда я вернулся из своей первой битвы!

– Не в той ли битве тебе привязали меч к руке, чтобы не ронял?

– Меч к руке мне привязывали, когда мне было всего десять лет! А при Стикластадире мне исполнилось пятнадцать и я мог держать оружие, как подобает взрослому мужчине!

– Но в этой битве ты стяжал не много чести!

– В тот раз Один не отдал нам победу, но чести своей я не уронил и никому не позволю в этом сомневаться! И если мой родич Магнус хочет взять в жены эту деву, пусть выйдет и сражится со мной! А поскольку его здесь нет, то никто другой не смеет предъявлять на нее права!

– Хоть Магнуса конунга здесь нет, это не значит, что принять твой вызов некому, Харальд, сын Сигурда! – в гневе воскликнул Ивар. Под грозным напором Харальда он даже не дрогнул, и его голубые глаза сверкали так же яростно. – Магнус конунг поручил мне представлять его здесь, а значит, я могу принять твой вызов вместо него!

– Прекратите! – в негодовании крикнула княгиня Ингигерда, поднявшись со своего места. – Я не допущу, чтобы мои гости, столь знатные и прославленные люди, вызывали друг друга на поединок у меня в доме, возле моего стола! Клянусь Всевышним, если вы сейчас же не прекратите эту ссору, я попрошу покинуть мой дом вас обоих и ни о каком сватовстве больше не будет и речи!

Оба соперника пристыженно умолкли, хотя взгляды, которыми они обменивались, выражали что угодно, только не дружелюбие.

– Я знаю, как тяжело тебе уступать хоть в чем-нибудь, – обратилась к Харальду княгиня. – Но я прошу тебя ради дружбы, которая была у меня с тобой и с твоим старшим братом, Олавом конунгом, смирить свой гордый нрав и быть вежливым с хозяевами и другими гостями. Иначе люди и вправду скажут, что в стране, которой правит сам Господь, ты научился обычаям хуже всяких языческих.

– Я всегда готов оказать уважение достойным людям, но вряд ли смогу уважать сам себя, если у меня на глазах моя невеста подаст рог другому мужчине раньше, чем мне! – учтиво, но непреклонно заявил Харальд.

Во время этого спора Елисава стояла, изнемогая от тяжести рога, волнения и неловкости. Вид у нее, наверное, был глупее глупого, а все Харальд! Две невидимые силы тянули ее в разные стороны, каждый из спорящих мужчин предъявлял на нее права, но против воли все ее существо словно бы клонилось в сторону Харальда. По закону власть над ней принадлежит отцу, и только отцу, – но потребуй сейчас Харальд, чтобы княжна последовала за ним, она безропотно пошла бы на его корабль, чтобы отныне знать над собой только одну власть – власть этого мужчины. В нем было умение подчинять себе людей. С каждым мгновением самые неве-

роятные рассказы о его победах и свершениях становились все более и более правдоподобными – этот человек умел одолевать даже самые неблагоприятные обстоятельства.

– Твое упрямство крепче, чем лоб великана! – воскликнула княгиня Ингигерда. – Если это будет не твоя невеста... не моя старшая дочь, – поправила она, не желая идти на поводу у наглеца и называть вещи так, как ему хочется, – ты стерпишь, чтобы более старший возрастом – и рангом! – гость получил приветственный рог раньше тебя?

Брови Харальда дрогнули, глаза сверкнули, и во всем его облике промелькнуло сходство с ловчим соколом, завидевшим добычу. Ему намекнули на то, что его соперник-герцог правит своей землей, а Харальд при всех его достоинствах пока никто. Но оспорить эти слова он не мог. Княгиня Ингигерда вышла из-за стола, пересекла гридницу, взяла рог из рук замершей Елисавы и сама поднесла его немецкому гостю.

– Не могу спорить с тобой, княгиня! – Харальд опять улыбнулся. – Пусть твой почтенный старший гость угощается медом, а я пока возьму то, что всякий жених имеет право получить от своей невесты!

Княгиня в изумлении обернулась, и слова приветствия, приготовленные для Фридриха, замерли на ее устах. А Харальд, не трудясь обходить стол, мгновенно перемахнул через него, сделал шаг к Елисаве и взял ее за плечи. Прежде чем княжна успела опомниться и сообразить, что происходит, он склонился и поцеловал ее. Горячие жесткие губы впились в приоткрытый от изумления рот, усы царапнули подбородок, и вся эта огромная сила, внезапно навалившаяся на нее, сковала ее чародейными цепями. Княжна не могла даже ахнуть, пока Харальд сам не отпустил ее и тут же снова подхватил, потому что она пошатнулась. У Елисавы отчаянно кружилась голова, по всему телу пробегала дрожь, лицо горело от стыда, а веки отяжелели, так что она не могла даже оглядеться. Харальд, огромный и сильный, словно великан, стоял рядом с ней и обнимал ее, и в его объятиях она была точно в плену волшебной страны – так далеко от всего и всех, что их как бы и вовсе не существовало.

– Ты позволяешь себе слишком много! – долетел до нее возмущенный голос отца.

Елисава попыталась отстраниться, чтобы скорее прекратить это безобразие, пока дело не дошло до открытой схватки, но Харальд не пустил ее. Он тоже понимал, что на него сейчас набросятся, но не раньше, чем девушка отойдет. Возмущенно закричали посланники Магнуса, Ивар мощным прыжком перескочил через стол и готов был метнуться вперед, чтобы силой оторвать наглеца от княжьей дочери, но княгиня Ингигерда поспешно шагнула вперед.

– Уймись! – Она повелительно взмахнула рукой. Старшие сыновья и гриди, успевшие окружить Харальда, опустили кулаки и попятились. – Немедленно отпусти мою дочь, Харальд! – приказала она. Его лицо разом похолодело и застыло, в голубых глазах заметались молнии. Но и княгиня, готовая принять вызов, отвечала ему не менее твердым взглядом. Ее глаза уже не улыбались. – Ты забылся, Харальд, сын Сигурда! Ты был бы никто, не окажи мы тебе поддержку, когда ты явился сюда чуть ли не в одной рубашке. Наш дом принял тебя, а теперь ты оскорбляешь его и пытаешься укунить руку, которая тебя вскормила. Если ты вынудишь меня пожалеть о моей прежней дружбе и доверии к тебе, не многовато ли врагов у тебя будет?

В глазах княгини Харальд увидел нечто такое, что заставило его опомниться. Он с юности привык встречать со стороны Ингигерды понимание, дружелюбие и поддержку, привык полагаться на нее, и теперь, когда в ее глазах засверкал гнев, Харальд осознал, что его и впрямь занесло куда-то не туда.

– Я не хочу огорчить ту, которую так ценил мой родич, святой Олав конунг! – ответил Харальд, и его железные руки соскользнули с плеч Елисавы. – Но я никогда, слышишь, королева, никогда не смирюсь с тем, что однажды обещанное мне будет отдано другому! Даже в память святого Олава конунга я не смирюсь с тем, с чем смирился он! Пока я жив и могу распоряжаться собой, этому не бывать!

Княгиня опустила глаза, князь Ярослав посуровел лицом. Все северяне и многие из киевлян поняли намек: ведь сама княгиня Ингигерда была когда-то невестой Олава конунга, но потом вышла замуж за Ярослава. И для непримиримого Харальда настаивать на своих правах на Елисаву означало не только защитить свою честь, но и отчасти восстановить честь брата, которого в Норвегии уже очень многие считали святым.

– Никто не оспаривает твоих прав! – чуть помедлив, уже мягче ответила ему княгиня. – Тех прав, которые у тебя действительно есть. Например, право на наше гостеприимство и почет, полагающиеся знатному гостю. Что до прочего, то не слишком уместно говорить об этом сейчас и начинать нашу встречу со спора!

– Я настаиваю на своих правах везде и всегда, если в том есть нужда! – тоже тише, но с прежним упрямством отозвался Харальд. – Везде и всегда! Моя удача покинет меня, если я уступлю хоть каплю своей чести!

– Иди на место! – Княгиня Ингигерда бросила беглый взгляд на старшую дочь. – Наш гость доволен.

Елисава, едва чувствуя пол под ногами, вернулась на свое место и села рядом с Предславой. У нее не было сил поднять глаза хоть на кого-нибудь, и очень хотелось спрятаться в горницу, в клеть, хоть в ларь – только бы не смотрели на нее эти сотни жадных глаз! Ну и Харальд! Она охотно огрела бы его по лбу этим тяжелым золоченым рогом! Вот как он настаивает на своих правах! Но все же ее потрясение было заметно больше, чем возмущение. Этот внезапный поцелуй словно запечатал чары: она уже не принадлежала ни себе, ни отцу, ни даже Богу, а только ему, Харальду, который и Бога, пожалуй, не признавал за старшего. Он сам был как бог – древний северный бог, Тор или Фрейр, могучий и уверенный, способный сотрясать горы и расплескивать моря ударом своего кулака.

Постепенно все успокоилось, пир потек своим чередом, гости выпили и развеселились.

– Ничего, как говорится, свадьба не удалась, если драки не было! – смеясь, кричал боярин Мануйла Воротиславич, весело глядя на Елисаву.

Но она по-прежнему не поднимала глаз и едва могла поднести ко рту птичье крылышко: ее все еще била дрожь, есть совсем не хотелось.

Князь Ярослав, взяв себя в руки, беседовал с герцогом Фридрихом. Тот восхищался Киевом: он-де и раньше слышал от многих, что размерами и красотой стольный город Русского королевства превосходит многие древние города Европы, но теперь счастлив убедиться в этом собственными глазами. Ярослав благосклонно внимал этим хвалам, поскольку новый город построил он сам: строительство, завершленное всего года три назад, продолжалось более четырех лет и все это время на возведении новых городских стен работали не менее тысячи человек одновременно. Зато и мощь укреплений превосходила все, что доселе видела Русская земля: земляные валы, насыпанные над крепкими дубовыми срубами, над ними – городни с заборолом, общей высотой до пятнадцати «больших локтей»¹⁴, охватывали пространство в семь раз большее, чем старый Владимиров город. Иногда киевляне говорили, что князь Ярослав поработал здесь за себя и за тех семерых братьев, которых пережил. Главным въездом в крепость служили ворота, по примеру константинопольских называемые Золотыми, с церковью Благовещения Богородицы над ними. К тому же Ярослав выстроил несколько церквей, не считая собора Святой Софии, в который перевез на хранение огромное собрание богослужебных книг, два монастыря – Георгия и Ирины, а также несколько школ для мальчиков, будущих священников. Все это давало ему право ставить себя вровень не только с самыми могущественными, но и просвещенными монархами Европы.

Елисава слушала их беседу вполуха: против воли все ее внимание устремлялось к Харальду. В шуме пира она разбирала каждое слово, произнесенное его низким, звучным

---

¹⁴ Пятнадцать «больших локтей» – 16 метров.

голосом, как будто никого другого тут и не было, и каждое из этих слов проникало в самое ее сердце. Хотя ничего особо любопытного он не говорил: в основном рассказывал о своем плавании сюда на торговом корабле.

– И как много прекрасных церквей я вижу в городе! – продолжал герцог Фридрих. – Столь большое количество поистине удивительно, если вспомнить о том, что в Киеве ныне живет лишь второе поколение христиан. Такие прекрасные успехи истинной веры, хотя многие из ныне живущих узнали Бога уже взрослыми людьми! Ведь только твой отец, король Вальдамар, подобно святым апостолам, принес христианство этой земле, верно, король Ярославус?

– Да, Русь узнала истинного Бога только при моем отце, – подтвердил князь Ярослав, хотя это признание не доставило ему удовольствия. По сравнению с германцами, крестившимися на несколько веков раньше, Русь выглядела почти языческой страной. – Но мой отец, князь Владимир, был не первым в нашем роду, кого озарил свет христианской веры. Князь Рюрик, правивший в северных русских землях полтора века назад, еще в юности принял святое крещение во Франкии, и крестным отцом его и его старшего брата был сам король франков, Людовик, сын Карла Великого, прозванный Благодетелем. И бабка моего отца, княгиня Ольга, и его мать, княгиня Малфрида, были христианками. Я слышал, что и оба брата моего отца приняли крещение, хотя, возможно, и неполное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.